4
И-71

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ НА X ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ II–I4 МАЯ I965 г.

Москва I965 г.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

60336

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ НА X ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ II–I4 МАЯ I965 г.

Москва I965 г.

4
Т-29
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
60336

С.В.Бромлей, Л.Н.Булатова

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ МОРФОЛОГИИ РУССКИХ ГОВОРОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭТАЛОНА.

I. Для сопоставительного описания языковых систем целесообразно использовать такой эталон (метаязык), из которого описываемые системы (в пределах одного уровня) можно выводить путём определённых однородных операций (максимальные или минимальные системы).

2. Из этих двух типов эталона для сопоставительного описания русских говоров (как и вообще для говоров одного языка или близкородственных языков, обладающих в значительной степени как этимологической близостью, так и материальной общностью) следует избрать максимальную систему, наилучшим образом обеспечивающую сопоставимость всех элементов описываемых систем.

3. Максимальная для русских говоров морфологическая система не представлена ни одним из реальных русских говоров и должна быть построена искусственно. Мы ставим перед собою задачу построить эталон для описания плана выражения морфологии русских говоров.

4. Метаязык, который мы строим для описания морфологии русских говоров, обладает морфологическими единицами, аналогичными единицам отдельных говоров.

5. Структура плана содержания метаязыка намечается

нами только в той мере, в какой это необходимо для описания плана выражения. Это осуществляется взаимным наложением диалектных систем противопоставляемых друг другу форм, так как каждая из противопоставляемых форм соответствует одному частному значению данной грамматической категории.

6. В плане выражения метаязыка находят своё отражение только те единицы плана выражения описываемых говоров, которые определяют в них структуру плана выражения, а не его реальное наполнение.

7. Морфемы метаязыка устанавливаются в соответствии с частными грамматическими значениями, приписываемыми метаязыку. При этом морфема может соответствовать или одному частному значению одной грамматической категории или комплексу частных грамматических значений разных категорий (напр., падеж и число существительных).

8. Количество алломорфов метаязыка определяется количеством дистрибутивных классов метаязыка, которые, в свою очередь, находятся в зависимости от системы дистрибутивных классов отдельных говоров. Дистрибутивные классы метаязыка получаются в результате взаимного наложения дистрибутивных классов отдельных говоров друг на друга. При этом может получиться, что метаязык будет обладать бо́льшим числом дистрибутивных классов, чем любой из реальных говоров.

9. Описание одного говора через единицы метаязыка осуществляется путём последовательного сопоставления отдельных компонентов системы говора с соответствующими компонентами метаязыка. При этом для каждого из сопоставляемых компонентов говора и метаязыка возможно одно из двух соотношений: I) одному компоненту метаязыка соответствует один компонент в говоре; 2) двум или нескольким компонентам метаязыка в говоре соответствует один компонент.

IO. При сопоставительном описании русских говоров осуществляется сравнение систем разных говоров через единицы метаязыка. Это даёт возможность выделить элементы, общие для всех говоров или групп говоров, и элементы, отличающие отдельные говоры или отдельные группы говоров, а также установить роль одних и тех же материальных элементов в системах

разных говоров.

II. В задачи сопоставительного описания говоров входит также оценка относительной сложности описываемых систем. Её критерием может служить количество шагов на разных этапах свёртывания, необходимое для выведения систем описываемых говоров из метаязыка.

Л.И.Баранникова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ.

I. В ходе истории русского народа произошло значительное расширение территории распространения русского языка в его диалектных вариантах. Диалекты русского языка встречаются в настоящее время на территории, значительно превосходящей территорию, на которой происходило складывание основных диалектных групп русского языка, что уже само по себе обуславливает необходимость изучения процессов развития русских народных говоров на территориях позднейшего заселения.

2. На территориях позднейшего распространения русского языка диалекты оказались в иных, по сравнению с основной территорией распространения русского языка, условиях. Одним из основных отличий было широкое развитие различных форм междиалектного и межязыкового контактирования, изучение характера и форм которого важно не только для диалектологии, но и для общего языкознания.

3. Особенности развития и взаимодействия диалектов на территории позднего их распространения определяются сложной совокупностью как языковых, так и внеязыковых факторов. К последним относятся: время переселения и особенности переселения (до образования национального языка или после, общая продолжительность совместной жизни разных языковых и диалектных групп, степень массовости переселения и т.п.), социально-историчес-

кие условия, облегчающие или затрудняющие контактирование (характер взаимоотношения носителей разных диалектов и языков, наличие или отсутствие розни между ними, стремление к замкнутости у одной из контактирующих групп или, наоборот, стремление подражать какой-либо из взаимодействующих групп у представителей других групп и т.п.), общие условия экономической и культурной жизни контактирующих языковых или диалектных групп (характер занятия населения, наличие местных культурных центров и степень их влияния и т.д.).

4. К языковым факторам, влияющим на развитие и взаимодействие диалектов на территориях позднего заселения, относятся степень близости взаимодействующих языков и диалектов, характер отношения их к общенародному литературному языку (степень близости диалектных систем контактирующих групп к литературному языку), особенности развития частных диалектных систем и отношение тенденций их развития к тенденциям развития русского общенародного языка.

5. На разных уровнях диалектных систем (фонетическом, грамматическом, лексическом) характер контактирования окажется различным, что объясняется не только разницей в структуре и проницаемости разных языковых уровней, но и разной степенью различия между диалектными системами на разных уровнях (преобладание лексических и фонетических различий, значительная общность в синтаксической системе и т.п.).

6. При изучении междиалектного и межязыкового контактирования в современных условиях следует учитывать взаимодействие стихийных и сознательно-регулируемых процессов в развитии языка и диалектов. Это взаимодействие будет по разному проявляться в зависимости от условий, в которых происходит контактирование, и характера контактирующих групп.

7. Вместе с процессами языкового и диалектного контактирования необходимо выявлять и изучать внутренние изменения, происходящие в самих диалектных системах, расположенных на территориях позднего заселения. Характер протекания этих процессов весьма различен. Так, наряду с наблюдаемой

обычно на данных территориях большей интенсивностью сближения диалектов с литературным языком, встречаются и факты сохранения, консервации отдельных диалектных черт, объясняемые специфическими условиями бытования отдельных говоров.

8. Изучение диалектов районов позднего заселения может проводиться разными методами. Параллельно с монографическим описанием судьбы отдельных диалектов, процессов взаимодействия диалектов и т.п. возможно и использование методов лингвистической географии, т.к. на территориях позднего заселения в ряде случаев уже успели сложиться своеобразные отношения между диалектами, проявляющиеся в своеобразном расположении отдельных изоглосс. Однако метод картографирования на территориях позднего заселения отличается рядом своеобразных особенностей как в отношении выбора пунктов для обследования и явлений, подлежащих картографированию, так и в отношении самих приёмов картографирования.

9. Границы территории, избранной для изучения методом лингвистической географии в районах позднего заселения, не могут быть слишком большими, т.к. иначе их картографирование может быть чрезвычайно затруднено, но достаточными для выявления основных изоглосс. Выбор территории и её границы определяются языковыми (предварительно известными особенностями говоров) и внеязыковыми (социально-исторические условия формирования и развития данной территории) факторами. Естественно, они не будут совпадать с современным административным делением, так же как и с административным делением прошлого. Совпадение возможно лишь в том случае, когда само административное деление в прошлом или настоящем тесно связано с социально-историческими особенностями края, всей его историей.

10. Сетка пунктов, намеченных для картографирования, в отличие от сетки на основных территориях, может быть подвижной, т.е. более сгущённой для отдельных явлений и более разреженной для других, что несколько напоминает принятое для общеславянского атласа разграничение опорной сетки, обследуемой по полной программе, и более частой,

обследуемой по краткой программе. Однако такие изменения сетки должны каждый раз специально оговариваться, на карте со сгущённой сеткой должны обязательно даваться все пункты карт с основной сеткой, карты со сгущённой сеткой должны даваться особо, отдельно от карт, построенных на основе общей, принятой в данном региональном атласе, основной сетки.

II. Выбор явлений, подлежащих картографированию, определяется особенностями изучаемых диалектов и их отношением к диалектам основной территории распространения русского языка. Так, если территория регионального атласа примыкает к основной территории распространения русского языка, важно, чтобы на территории регионального атласа получили отражение изоглоссы, оставшиеся открытыми на картах атласов основной территории, занятой русским языком

I2. Сложность, разнообразность языковых явлений, наличие существенных различий в степени их сохранности определяет необходимость разработки новых приёмов картографирования. Однако это новое может касаться техники картографирования, а не его принципов. В региональных атласах должны быть сохранены общие принципы, положенные в основу картографирования при составлении карт атласов основной территории распространения русского языка, т.к. иначе карты региональных атласов не будут соответствовать картам основных атласов, факты основных и региональных атласов окажутся не сопоставимыми.

I3. Количество карт региональных атласов не может быть большим как по собственно научным (важно выделить основные моменты, дающие изоглоссы на обследуемой территории), так и по техническим соображениям (трудность составления и печатания карт в местных условиях), но карты должны сопровождаться подробными комментариями, отражающими не только материал по картографируемым явлениям, но и по явлениям, не картографированным в данном региональном атласе по тем или иным соображениям, но важным в об-

щем плане изучения диалектов русского языка. Это условие важно для создания возможности использования материалов, собранных для данного регионального атласа, при изучении других территорий, а также для сопоставления с фактами, получившими отражение на картах атласов основной территории распространения русского языка.

I4. Региональные атласы (микроатласы) не могут являться самоцелью, они выступают как подсобный материал для монографического описания говора и как важный источник, дополняющий сведения о географическом распространении диалектных фактов русского языка, отражённых в атласах, картографирующих основную территорию русского языка. Вместе с тем региональные атласы дадут ценный материал не только для характеристики современного состояния русских народных говоров, но и для выяснения некоторых конкретных особенностей их будущего изменения по пути всё большего и большего сближения с литературным языком, т.к. ярко покажут сравнительную устойчивость одних языковых явлений и неустойчивость, постепенное исчезновение других языковых явлений.

В.Д.БОНДАЛЕТОВ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАТЕРИАЛА УСЛОВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АРГО ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОГО ЯЗЫКА.

I. Всестороннее исследование народного языка (диалектов, просторечия) предполагает изучение всех соприкасающихся с ним лингвистических явлений, всех связей и опосредствований. Особое место среди этих явлений принадлежит с о ц и а л ь н ы м д и а л е к т а м, вызванным к жизни социальной неоднородностью общества, его производственной, профессиональной и групповой дифференциацией.

Известно несколько типов социальных диалектов: а)собственно профессиональные арго (точнее - лексические системы), б) групповые, или корпоративные, арго, в) условно-профессиональные арго и др. Они различаются по своей природе, назначению, языковым признакам, условиям функци-

онирования. Неодинаковы и их связи с другими явлениями, в частности, с территориальными диалектами.

Ниже мы пытаемся 1) определить характер взаимосвязи одного из типов социальных диалектов – условно-профессионального арго русских ремесленников и торговцев[1] с народным языком и 2) показать возможности привлечения условно-арготических данных при изучении грамматических и словообразовательных закономерностей народной речи.

2. Условно-профессиональные арго имеют двойную связь с народным языком – внешнюю и внутреннюю. Внешняя связь состоит в том, что и народным языком и условными арго пользовался один и тот же круг лиц – сельские ремесленники-отходники (портные, шерстобиты, шорники, печники, каменщики, стекольщики и т.п.), торговцы-разносчики и некоторые другие группы населения[2], их односельчане и жители со-

---

I. Характеристику этого типа арго см. в наших статьях: К изучению социальных диалектов русского языка. "Язык и общество", Саратов, 1964, стр. 27-33; О проекте пособия для собирания материала по условным языкам. "Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15-18 мая 1963 г.", Ин-т русск. яз. АН СССР, М., 1963, стр. 66 и след. Другое понимание сущности этого типа арго см. в раб.: Д.С. Лихачёв, Арготические слова профессиональной речи. Сб. "Развитие грамматики и лексики современного русского языка", АН СССР, "Наука", 1964.

2. А.И.Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Под ред. и с предисловием проф. Ф.П.Филина. Изд. ЛГУ, 1957, стр. 105.

седних селений.[1] Внутренняя связь условно-профессиональных арго с общенародным языком состоит в том, что арго, не имея собственного грамматического строя и располагая лишь оригинальной лексической системой, функционирует на базе и по законам грамматики общенародного (диалектного) языка.

3. Сосуществование двух лексических систем на основе общего грамматического строя приводит к взаимопроникновению элементов этих систем: часть общенародных (или диалектных) слов втягивается в арготическую лексическую систему (часто в преобразованном виде) и, наоборот, некоторые арготизмы переходят в обыкновенную речь местного населения, напр.: котра́х – шапка, волоха – рубаха, нахире́ги – рукавицы. Наличие такого взаимообмена усложняет установление границ между территориальными диалектами и арго и требует от исследователя хорошего знания как диалектной, так и арготической лексики. Особенно трудно верно квалифицировать слова, являющиеся в одних местах диалектизмами (напр., дуба́с – сарафан, басаргу́ля – овца, возгуда́ть – петь – в говорах Среднего Урала[2]), а в других – арготизмами (те же слова в "языке" костромских и горьковских шерстобитов). Незнание того, диалекту или условному арго принадлежат те или иные слова, в особенности же слова нерусского происхождения, неминуемо приводит к искажённому представлению об истории местного населения, его взаимоотношении с другими, иноязычными народами[3].

I. В.И.Чернышев. Список слов портновского языка. Изв. ОРЯС, т. Ш, стр. 320; И. Краснопевцев. Очерки города Одоева. Тула, 1896, стр. 61 и след.; Д.И.Алексеев и В.Д.Бондалетов. О составлении словарей социальных диалектов. "Труды второй научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка пед. ин-тов", Владимир, 1964, стр. 134-135.

2. Словарь русских говоров Ср.Урала. Т.I, А-И, Свердловск, 1964.

3. О некоторых следствиях ошибочного отнесения арготизмов к диалектизмам см. А.И.Попов, указ. соч., стр. 102.

4. Функционирование арготической лексики на основе общенародной грамматики позволяет на новом и необычном материале не только проследить грамматические категории и средства их выражения, но и уловить основные тенденции их развития, а также получить представление о некоторых количественных показателях грамматической и словообразовательной структуры народного языка, напр., о соотношении частей речи, грамматических родов, глагольных классов и т.

5. Материал условно-профессиональных арго с исключительной наглядностью подтверждает деление всей лексики языка на два основных разряда: а) слова знаменательные и б) слова служебные. В арго присутствуют лишь слова первого разряда, обладающие лексическим значением и способные выступать членами предложения. Своих служебных слов условные арго не имеют, они заимствуют их, подобно другим чисто грамматическим категориям и средствам, из общенародного (или диалектного) языка. Напр., Гирян́ с рупа́нкой хлял на алване́. Мужчина с женщиной едут на лошади (коне).

6. Подсчёты, проведённые на текстах арго (связные отрывки, предложения, фразы), позволяют принять, что на долю всех знаменательных частей речи приходится около 90% слов, на долю служебных слов (общенародных по своему характеру!) – 10%. Среди самостоятельных слов имена существительные составляют в среднем 50%, имена прилагательные – 6%, глаголы – 26%, наречия – 5%. В общих чертах эти данные сходны с теми, которые получены при статистическом обследовании русского литературного языка (в нём: существительные составляют 44% всего запаса слов, прилагательные – 13%, глаголы – 24%, наречия – 9%)[1]. Более высокий процент атрибутивных (прилагательных, наречий) слов в литературном языке по сравнению с арго вполне естественен и понятен. Весьма желательно статистическое изучение диалектной речи, которое покажет степень её отличия от литературного языка.

1. Э.А.Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963, стр. 40.

7. В арго находим существительные трёх грамматических родов: рым – дом, ря́ха – изба, фе́ро – сено. Этот факт можно принять за свидетельство актуальности если не самой родовой категории, то по крайней мере морфологических типов всех трёх родов. По количеству охватываемых слов грамматические роды распределяются следующим образом: первое место занимает мужской род (53%), второе – женский (43%), явно уступают им средний род (около 3%), а также категория слов общего рода (менее 1%). Низкий процент арготизмов среднего рода наблюдается не только в арго с южнорусской грамматикой (где эта категория ослаблена), но и в арго, функционирующих на базе севернорусской и среднерусской грамматики.

8. Показательны и по-своему незаменимы для исследователя народного языка арготические материалы по словообразованию, в особенности по морфологическому словопроизводству. Здесь видим в основном те же разновидности этого способа словообразования (суффиксальную, префиксальную, суффиксально-префиксальную), которые свойственны и общенародному языку. Общими оказываются и многие словообразовательные модели и морфемы, которые на фоне "странных" арготических корней и непроизводных основ выделяются особенно отчётливо (как в авторских и некоторых общеязыковых неологизмах). Напр., среди суффиксов, используемых в арго для образования существительных, преобладают те, которые продуктивны в диалектах и литературном языке: -щик: скре́бщик – сапожник, -ник: пы́льник – мельник, -ун: швару́н – портной и т.п. Но есть в арго и редкие словообразовательные модели, напр., шур – вор и шу́ра – воровка, мода́с – козёл и мода́са – коза (ср. диалектное внук и вну́ка – внучка), встречаются интересные случаи преодоления суплетивизма в соотносительных парах слов со значением мужского и женского пола: лох – мужик и ло́ха – женщина, збра́н – брат и збра́нка – сестра.

9. Много можно ожидать от изучения словообразования глаголов; арготические данные, в частности, подтверждают разделение всех глаголов русского языка на продуктивные и

непродуктивные типы (группы). Среди арготических глаголов нет таких, которые бы повторяли морфолого-словообразовательную структуру непродуктивных групп, т.е. глаголов типа иска-ть: ищ-у, крича-ть: крич-у, горе-ть: гор-ю и др. Зато здесь имеются глаголы всех продуктивных классов (бусать - пить, хамлéть - болеть, ярговáть- жить, пулить - купить, дякнуть - дать). Их соотношение выражается в следующих цифрах: I кл. - 43%, II кл. - 2%; III кл. - 3%, IУ кл. - 50%, У кл. - 2%. Резкое преобладание глаголов IУ и I классов, несомненно, отражает высокую продуктивность этих словообразовательных типов в современном народном языке.

IO. Дальнейшее исследование условно-профессиональных, а также других типов арго обнаружит новые возможности использования арготических данных для познания как грамматических, так и иных закономерностей развития народного языка. Для лучшей реализации этих возможностей необходимо совершенствовать методику сопоставительного изучения территориальных и социальных диалектов, а также разрабатывать общую методику привлечения "косвенных" данных при изучении различных лингвистических объектов.

В.Г.Орлова

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.

I.Актуальность изучения процессов, протекающих в современных говорах русского языка. Анализ процессов этого рода даёт богатый материал для рассмотрения ряда теоретических положений, например, таких, как вопрос о проницаемости разных уровней языковой системы, о возникновении новообразований под влиянием извне, но на основе закономерностей исходной системы и мн. др. Понимание противоречия между переживочным характером говоров и тем, что они остаются важным звеном в структуре современного устного разговорного языка.

2. Роль разного рода социальных факторов, вызывающих отход от местных разновидностей языка. Условия, в которых возникает пользование двумя системами и наступает торможение диалектных новообразований.

3. Сложность взаимоотношений между говорами и литературным языком в период усиливающегося влияния литературного языка, не сводимых к понятию "нивелировки" говоров. Возникновение местных разновидностей литературного языка и промежуточных образований между говорами и литературным языком, отражающее различные этапы их сближения. Важность постановки наблюдений над речью тех жителей городов, которые являются выходцами в первом поколении из сельских местностей, окружающих города, находящиеся на территории распространения основных диалектных групп русского языка.

4. Необходимость дифференцированного подхода к изучению процессов, протекающих на разных уровнях языковых систем современных говоров (в их фонетике, морфологии, лексике) и изучение условий и характера того использования двух систем, которое наблюдается у многих современных носителей говоров.

5. Понимание наибольшей проницаемости лексики говоров, выражающейся в появлении и устранении слов в связи с появлением и устранением реалий и понятий, отражает только внешнюю сторону соответствующих сдвигов. Большая сложность задачи изучения процессов, происходящих в лексическом строе языка, т.е. тех соотношений, в которые новое слово вступает в лексической системе говора, а также изменений, наблюдаемых при исчезновении слов.

6. Необходимость дальнейшего изучения разной устойчивости разного рода фонетических различий в говорах: а) различий, связанных с изменением фонологических отношений в отличие от различий, относящихся только к физической стороне звучания; б) различий, представляющих собой целостные закономерности и охватывающих принципиально неограниченные ряды слов в отличие от различий, связанных с отдельными словами.

7. Устранение тех различий в области грамматики, которые выражаются в разном звуковом оформлении разных морфем. Наличие специфических явлений при изучении утраты диалектных особенностей в морфологии.

Возможность "размывания" отдельных парадигм диалектного характера лексическим путем, т.е. путем образования форм литературного типа только у определенного круга слов. Изучение состава той лексики, которая наиболее рано утрачивает диалектные формы словоизменения. Возможность сохранения диалектных форм только в определенных словосочетаниях и др. вопросы, связанные с изучением трансформации грамматического строя.

Судьба диалектных явлений из области морфологии, соответствующих общим тенденциям упрощения системы языка, их вхождение в состав просторечного формообразования.

8. Необходимость разработки специальных программ, направляющих изучение современных процессов, развивающихся в русских народных говорах.

А.Б.Пеньковский

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ В ЖИВОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

0.0. Речевая деятельность диалектного коллектива, взятая синхронно в одной точке пространства, рассматривается обычно - в связи с отсутствием фактора времени - вне развития и понимается как проявление сосуществования разносистемных элементов или разных систем, откуда широко распространенные (как у нас, так и за рубежом) попытки приравнивать эту ситуацию к ситуации двуязычия.

0.1. Имеющиеся диалектологические описания избирают обычно лишь одну из такого рода сосуществующих систем - как правило наиболее архаическую, традиционную систему - и представляют ее в непротиворечивой неподвижной модели. В такой

модели, естественно, нет места процессам развития, которые выступают здесь лишь в своих готовых результатах.

0.2. Развитие как процесс оказывается поэтому лишь развитием историческим и, повернутое в прошлое, включается только при переходе к истории языка. Оно поэтому лишь восстанавливается гипотетически, моделируется как своего рода перекидной мост, соединяющий две абстрактные временные или пространственные системы языка.

I.0. Между тем диалектная речь представляет особо благоприятные условия и возможности для изучения процессов развития, раскрытия свойственных им закономерностей и обнажения того тончайшего механизма, который осуществляет передачу накопленных речевых изменений в систему языка, а внутрисистемных изменений - в речь.

I.I. Изучение процессов развития в живой диалектной речи должно быть признано одной из важнейших задач диалектологической науки. Решение этой задачи потребует, очевидно, нового подхода к объекту исследования, выработки новых исследовательских методов и приемов, новых типов описания.

2.0. Представляется возможным и целесообразным рассматривать речевую деятельность диалектного коллектива как представление одной и той же, но движущейся системы, системы, находящейся в процессе изменения и развития и выступающей у разных индивидуумов или отдельных их групп в различных ее речевых состояниях.

2.I. Каждое речевое состояние движущейся системы характеризуется определенным набором рядов сосуществующих элементов, характером этих рядов и характером отношений между рядами и между элементами внутри ряда.

3.0. Ряд сосуществующих элементов (СЭ) - условное наименование нескольких материально различных, но функционально тождественных единиц речи, выступающих в тождественных условиях и представляющих одну и ту же единицу одного из уровней системы языка.

3.I. Ряд СЭ характеризуется с точки зрения генезиса, ко-

www.ruslang.ru
60336
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. Пушкина АН СССР

личества и качества составляющих его членов. Можно различать:

3.II. Ряды гомогенные и гетерогенные.

3.I2. Ряды двухчленные и многочленные.

3.I3. Ряды ступенчатые, члены которых представляют постепенное накопление данного качества (ср., например, ряды: ч – ч' – ч''; е – $е^{а}$ – $а^{е}$ – а и т.п.), и неступенчатые, члены которых являются дискретными единицами (разного качества, но не разных степеней одного качества).

3.2. Ряды СЭ являются той непосредственной реальностью, которая дана диалектологу в прямом наблюдении как показатель того, что в данном звене системы осуществляется живое актуальное развитие.

3.2I. По количеству рядов СЭ в данном состоянии движущейся системы можно судить об интенсивности ее движения, о значительности происходящих в ней изменений. Ср., например, данные по некоторым современным говорам Западной Брянщины, где более половины согласных фонем представлено единицами, входящими в ряды СЭ.

3.3. Характер ряда СЭ позволяет судить о типе происходящего изменения.

3.3I. Неступенчатые ряды – свидетельство того, что изменение представляет собой замену одной единицы другой. Ср. например, замену фрикативного γ взрывным г в ср-в-р и ю-в-р говорах.

3.32. Ступенчатые ряды показывают, что изменение происходит в процессе постепенного накопления данного качества. Ср., например, постепенный переход от твердого р перед гласными переднего ряда к р' мягкому и др. под. изменения в западнобрянских говорах. В связи с этим представляется неосновательным ставшее весьма распространенным скептическое отношение к возможности постепенных звуковых изменений (Э. Косериу, Г.Хенигсвальд и др).

3.33. Особый интерес представляют гетерогенные ступенчатые ряды, свидетельствующие о том, что заимствование (переход, проникновение какой-либо единицы из одной системы в другую) может осуществляться так же, как происходит внутреннее изменение.

4.0. В промежутке между возникновением ряда СЭ и его распадением лежит период развития, закономерности и этапы которого проявляются в отношениях между СЭ и изменении этих отношений от одного состояния системы к другому.

4.I. Отношения между СЭ внутри ряда могут быть представлены как отношение частот СЭ, которое обнаруживает действие статистической закономерности и может быть выражено статистическими правилами. Выделяется два типа этих отношений.

4.II. Один из них характеризуется тем, что отношение частот СЭ не обнаруживает зависимости от каких-либо конкретно-лингвистических условий и имеет для каждого данного состояния системы только одно (колеблющееся в известных пределах) численное значение.

4.I2. Для другого, напротив, характерно то, что в каждом данном состоянии системы отношение частот СЭ имеет не одно, а несколько численных значений, в зависимости от тех или иных конкретно-лингвистических условий. Отношения этого типа можно было бы назвать позиционной прикрепленностью СЭ. Последняя может рассматриваться как аналог позиционной обусловленности. Для движущегося звена системы она то же, что позиционная обусловленность в неподвижном звене.

4.I3. Особый интерес представляют отношения позиционной прикрепленности в гетерогенных рядах СЭ, раскрывающие закономерности включения в данную систему иносистемных единиц. Ср., например, закономерности устранения дзеканья, перехода от твердого р к р' перед гласными переднего ряда в западнобрянских говорах, закономерности усвоения г взрывного носителями фрикативного γ и т.п. В этой связи известный тезис Э.Косериу ("изменение осуществляется как принятие") может быть сформулирован в перевернутом виде: "принятие осуществляется как изменение" (ср. 3.33).

4.2. Дальнейшее развитие может приводить либо к позиционной обусловленности, либо - через отношения первого типа к генерализации одного и устранению другого (других) СЭ.

4.3. Разграничение двух указанных выше типов отношений имеет принципиальное значение и может способствовать правильному пониманию процессов, происходящих в говорах в условиях междиалектного взаимодействия и влияния нормализованного типа языка.

4.3I. Между тем они нередко не разграничиваются и квалифицируются - по общему впечатлению или на основе суммарных данных по всему говору - как отношения беспорядочного смешения, которому придается важное значение в некоторых концепциях диалектного развития.

5.0. Изучение процессов развития. поскольку эти последние обнаруживают себя в явлениях, имеющих статистический характер, настоятельно требует введения в диалектологию статистических методов исследования и соответствующих им типов описания диалектного материала. В этом отношении должен быть учтен и развит полезный опыт западно-славянской диалектологии.

5.I. Поскольку рассчитывать на специальную статистическую обработку уже имеющегося в диалектологии материала, по-видимому, не приходится, представляется целесообразной организация экспериментальных экспедиций для создания разного рода монографических описаний рядов СЭ и их эволюции в разных говорах.

5.2. Обращение к всестороннему и глубокому изучению индивидуальной диалектной речи (поскольку именно речь индивидуума окажется здесь той "исчерпывающей совокупностью", из которой будет производиться выборка необходимого материала) не должно рассматриваться как возвращение на позиции младограмматиков с характерным для них индивидуализмом, атомизмом и импрессионизмом в оценке языковых фактов. Изучение идиолекта, понимаемого как микросистема, будет происходить на общем "структурном" уровне современного языкознания.

5.3. Можно думать, что очерченный выше круг вопросов хорошо согласуется с широкой проблемой "Развитие русского языка в советском обществе", необходимость разработки которой неоднократно формулируется в последние годы в качестве первоочередной задачи советского языкознания.

Г.Г.Мельниченко

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ И ПУТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ, НАБЛЮДАЕМЫХ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИХ РАЗВИТИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

I. Словарный состав любого местного говора, как и словарный состав языка народа в целом, на каждом этапе своего исторического развития представляет определенную систему.

2. Поскольку каждый территориальный говор представляет собою местную разновидность общенародного языка, то вполне закономерно рассматривать его словарный состав как одну из частных систем общенародного языка.

С этой точки зрения словарный состав любого территориального говора может быть разделен на две неравные части: I) лексика общенародная, литературная, которая составляет большую часть словаря говора, и 2) лексика локальная, диалектная, удельный вес которой с точки зрения количественной может быть иногда очень незначительным - 4-6% по отношению к общему числу слов, употребляемых в связной речи.

К вопросу об этих двух лексических пластах в словарном составе местных говоров нужно подходить конкретно-исторически, так как они находятся в очень сложных соотношениях, которые непрерывно изменяются в ходе развития языка в целом и каждого его территориального говора (диалекта). В частности, в общенародной лексике необходимо выделять различные пласты с исторической точки зрения. В первую очередь необходимо разграничивать два пласта: I) древнейший, унаследованный говорами от общеславянской и общевосточнославянской эпохи, и 2) позднейший, относящийся к самостоятельной жизни русского языка. Понятно, что и в пределах этих основных

подразделений должна быть соответствующая дифференциация, особенно в позднейшем пласте, который так усиленно расширяется в наши дни.

Такой дифференцированный подход к лексике общенародного языка в словарном составе местных говоров необходим, в частности, при решении вопроса о наличии в одних случаях и отсутствии в других местных эквивалентов к словам общенародного языка: о причинах их возникновения, об их территориальном распространении, об их устойчивости в различных говорах, пр.

Диалектная лексика также требует конкретно-исторического к себе подхода.

3. Общеизвестно, что в нашей стране идет интенсивный процесс стирания диалектных различий и повсеместного утверждения единых норм литературного языка.

В области лексики этот процесс проявляется прежде всего в том, что в словарный состав местных говоров вливается огромный поток слов литературного языка: общественно-политическая лексика, терминологическая лексика из области сельского хозяйства, некоторые группы бытовой лексики - названия предметов одежды, обстановки, культурной жизни и пр.

Следствием этого является, во-первых, переход определенной части местных (диалектных) слов в пассивный запас и постепенная их утрата за ненадобностью; во-вторых, разграничение сфер использования равнозначных литературных и диалектных слов (с этим, в частности, связано "двуязычие" носителей местных говоров); в-третьих, семантическая или стилистическая дифференциация литературных и диалектных слов, обозначающих предметы одного и того же назначения, класса, близкие или тождественные понятия и пр.; в-четвертых, утрата некоторыми местными словами их прямого значения, - в результате исчезновения обозначаемых ими предметов или их переосмысления, - и использование их только в переносном значении, особенно в устойчивых словосочетаниях (фразеологизмах).

Кроме того, слова литературного языка, вливающиеся в словарный состав местных говоров, обычно претерпевают те или иные изменения в их семантике, стилистической окраске, нормах словосочетания и пр.

Интенсивность этих процессов и конкретное их проявление неодинаковы в разных современных говорах не только на разных, но даже на одном и том же этапе из развития, что находится в прямой зависимости от интенсивности экономической и культурной жизни носителей данного говора.

Изучение тех изменений, которые совершаются в процессе взаимодействия общенародной и диалектной лексики в словарном составе местных говоров наших дней должно составлять одну из первоочередных задач региональной лексикологии.

4. Изучение словарного состава говора в историческом аспекте (в развитии) требует сопоставления старых региональных словарей с данными современных говоров. К сожалению, мы располагаем только дифференциальными словарями, далеко неполными и несовершенными. Но даже их использование помогает выявить некоторые закономерности в развитии диалектной лексики.

Для сопоставления нами были взяты "Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии" Е.Якушкина (1896г.).

Со времени издания этого словаря прошло почти 70 лет. За это время, особенно после Октябрьской революции, а затем в результате коллективизации сельского хозяйства, в жизни носителей местных говоров, в том числе и ярославских, произошли огромнейшие изменения, которые повлекли за собою изменения в словарном составе местных говоров. По отношению к словам, зафиксированным в этом словаре можно отметить следующее: 1) полная утрата значительной части слов, ставших ненужными в новых условиях; 2) изменение семантики ряда слов - расширение или сужение их значения; 3) изменение территориального распространения ряда слов.

(В докладе все эти вопросы будут раскрыты детально и подтверждены соответствующим фактическим материалом).

Т.Г.Паникаровская

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗВУКОВОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ ГОВОРА ДЕРЕВНИ ПАРФЁНКИ ЗА ВРЕМЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ПО СЛЕДАМ Н.Н.ДУРНОВО).

I. Исследований, освещающих на конкретном материале процессы изменения русских говоров под влиянием литературного языка, мало, несмотря на то, что эта проблема представляет для науки значительный интерес.

2. Говор д. Парфёнки Ново-Петровского района Московской области (бывший Рузский уезд Московской губернии), детально изученный в конце XIX - начале XX в.в. Н.Н.Дурново, весьма интересен для повторного лингвистического обследования, так как сопоставление данных Н.Н.Дурново с современными данными позволяет на конкретных фактах проследить изменения,которые наблюдались в говоре за пятьдесят с лишним лет.

3. За пятьдесят с лишним лет в исследуемом говоре произошли существенные изменения, вызванные воздействием на последний литературного языка.

4. Ряд диалектных особенностей, преимущественно фонетических, утратился. Это именно те диалектные особенности, которые носили остаточный характер уже в конце XIX - начале XX в.в. Так, например, уже неизвестен говору гласный о закрытый, который наблюдался в говоре в положении перед губно-губным в, перед гласным у или сочетанием ву; губно-губное в, наблюдавшееся в конце XIX в. наряду с в губно-зубным, уступило место последнему; утратилось, по нашим наблюдениям, шепелявое произношение долгих шипящих, "явление не всеобщее и в прошлом"; исчезло цоканье; мягкие свистящие произносятся сейчас без оттенка шепелявости и т.д. Грамматические диалектные черты характеризуются значительно большей устойчивостью сравнительно с фонетическими.

5. Специфические особенности говор утрачивает под воздействием литературного языка медленно и постепенно, о чём свидетельствуют, в частности, многочисленные факты длительного сосуществования в говоре диалектных и литературных форм. Так, например, умеренное яканье, выдерживавшееся в говоре не строго в конце XIX - начале XX в.в., характеризует речь носителей говора (преимущественно старшего поколения) и в настоящее время, однако заметно идет на убыль под влиянием икающего литературного произношения; факультативное в прошлом употребление мягких т', д' перед гласными переднего ряда на месте к', г' ("рути", "ноди") отмечено и сейчас; диссимилятивное изменение взрывных задненебных во фрикативные в положении перед взрывными задненебными и зубными, характеризовавшее изучаемый говор в конце XIX - начале XX в.в., известно и сейчас; чередование твердых г, к с шипящими в личных формах настоящего времени глагола наблюдается, как и в прошлом, параллельно с чередованием твердых г, к с мягкими г', к' и т.д.

6. Некоторые диалектные особенности (как правило, это морфологизованные звуковые явления) относительно устойчивы, хотя и они не прослеживаются последовательно. Таковы, например, по нашим наблюдениям, яканье в первом предударном слоге в родительном и дательном падежах единственного числа личного местоимения третьего лица мужского рода; совпадение гласных а, о в заударном неконечном слоге после твердых согласных в редуцированном гласном среднего ряда средне-верхнего подъема в окончании именительного падежа единственного числа полных прилагательных женского и среднего рода; произношение гласного и на месте этимологического а в положении между мягкими согласными в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных женского рода; упрощение конечных сочетаний ст, с'т'; изменение существительных среднего рода на -мя по второму типу склонения; наличие стяженных форм притяжательных местоимений, прилагательных, глаголов и т.д.

7. Наряду с изменениями, имеющими своим источником воздействие на говор литературного языка, в говоре за истекший

период наблюдались изменения, обусловленные и внутренними закономерностями развития говора, изменения, носящие спонтанный характер. В грамматической системе говора наблюдались изменения, вызванные действием аналогических процессов в системе самого говора и не связанные с влиянием на последний литературного языка. Так, например, если в прошлом родительный падеж единственного числа на -у у существительных мужского рода с двусложной и многосложной основой был менее употребителен, чем у существительных с односложной основой, и наблюдался лишь у двусложных и многосложных существительных, имеющих ударение на последнем слоге основы, то в настоящее время флексия -у отмечена также у существительных мужского рода с двусложной или многосложной основой и ударением не на последнем слоге основы. Окончание -е в родительном падеже единственного числа существительных первого склонения было широко распространено в говоре, по свидетельству Н.Н.Дурново, и в прошлом, однако оно наблюдалось "почти исключительно с предлогами у, окъл' и т.п.". В настоящее время это окончание отмечено и у существительных, не имеющих при себе предлога, но в этом случае оно употребляется значительно реже (доч' другой снах'э). Под воздействием существительных мужского и среднего рода ударяемая флексия -а отмечена в именительном падеже множественного числа некоторых существительных женского рода третьего типа склонения. Под воздействием существительных мужского рода в родительном падеже множественного числа существительных женского и среднего рода получило широкое распространение окончание -ов. В конце XIX в. это окончание у существительных женского рода встречалось в единичных случаях. Появились стяженные формы первого лица множественного числа настоящего времени глаголов; эти формы во время обследования говора Н.Н.Дурново не употреблялись и т.п.

Р.В.Херольянц

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ В НАРОДНОМ ГОВОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ СЁЛ КАШИРСКОЕ, КОЛОМЕНСКОЕ, МОСКОВСКОЕ НОВОУСМАНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ).

Лексико-семантические процессы, наблюдаемые в народном говоре, обнаруживают тесную взаимосвязь с возрастной дифференциацией его носителей. Это явление, по-видимому, закономерно для народного говора, так как представители разных возрастных групп неодинаково владеют словарными запасами литературного языка и местного диалекта. Отсюда различие как в системе значений многозначного слова, так и в составе синонимических и антонимических рядов в речи представителей разных поколений.

Среди многозначных слов в диалекте можно выделить две группы. Первую группу составляют слова, многозначные в речи всех носителей говора. Диалектное значение, которое совмещается в словах этой группы с литературным, оказывается очень устойчивым. Это может быть значение, исстари присущее слову в говоре (например, значение "знахарка" в слове БАБКА), либо возникшее в нем сравнительно недавно (например, значение "пустышка", развившееся в слове РЕЗИНКА с появлением резиновой соски, сменившей тряпицу с хлебом). Слово в диалектном значении называет широко распространенное явление действительности и находится в активном словарном запасе, чем и объясняется устойчивость многозначного гнезда.

Вторую группу составляют слова, многозначные в речи старшего, но однозначные в речи младшего поколения, либо имеющие разную систему значений в языке различных возрастных групп. Эти многозначные гнезда менее устойчивы, они обнаруживают тенденцию к утрате одного из значений. Причина меньшей устойчивости системы значений слов этой группы заключается в том, что слово в диалектном значении в большинстве случаев обозначает отжившую или отживающую реалию. Например, слово КРОВАТЬ многозначно исключительно в речи старшего поколения, где имеет, помимо литературного, диалектное значение "небольшой са-

райчик, в котором летом спят отдельные семейные пары большой крестьянской семьи". Младшему поколению это значение неизвестно, слово в его речи однозначно.

Пути развития полисемии в исследуемом говоре аналогичны путям развития этого семантического явления в литературном языке. В этом смысле собранный нами материал не дает основания говорить о специфике диалектной полисемии. Однако система значений диалектного многозначного слова различна в различных говорах и во многом определяется своеобразием географических и экономических условий, в которых живет тот или иной языковой коллектив, а также особенностями сложившихся в нем культурных, семейных, бытовых и т.д. традиций.

В лексической системе исследуемого говора обнаруживаются как этимологические омонимы (типа БРАК^{I} и БРАК^{2}), так и исторические, возникшие в результате распада полисемии (типа ТЕПЛЫЙ^{I} - нагретый и ТЕПЛЫЙ^{2} - глупый). Свидетельством того, что перед нами слова-омонимы, а не самостоятельные значения многозначного слова, является полный разрыв семантических отношений, невозможность мотивировать связь между значениями этих слов при синхронном подходе к лексической системе диалекта.

Полисемия в народном говоре, как и в литературном языке, тесно связана с синонимией. Каждое из значений диалектного многозначного слова входит в определенные синонимические ряды или пары.

Наблюдения над диалектной синонимией позволяют наметить следующие пути возникновения синонимов в народном говоре: а) влияние литературного языка, б) влияние других территориальных диалектов, в) выделение в одном и том же предмете, явлении и т.д. различных присущих ему признаков лексическими средствами самого говора, г) семантическое сближение слов, ранее различающихся по значению.

Вследствие специфики современного этапа развития народных говоров, когда новые диалектные слова в них почти не возникают, а старые постепенно вытесняются литературными эквивалентами, самую большую группу синонимов в диалекте составляют синонимы абсолютные. Среди абсолютных синонимов, состоящих из литературного и диалектного слов, в зависимости от степени устойчивости входящего в них диалектного компонента, выделяются следующие три группы: а) синонимические пары с устойчивым диалектизмом, характерным для речи всех носителей говора (типа ВОЛОСЫ - ВИСКИ), б) синонимические пары с неустойчивым диалектизмом, употребляющимся в речи среднего и старшего поколений наряду с литературным эквивалентом (типа ЗНАЧИТЬ - ВАЖИТЬ), и в) синонимические пары, находящиеся на грани разрушения вследствие архаизации диалектного компонента (типа РАССВЕТАТЬ - ЛУНЕТЬ).

Абсолютные синонимы, представляющие собой пару л и т е р а т у р н о е с л о в о - д и а л е к т и з м , характеризуют говор как историческую категорию, в которой на определенном этапе сосуществуют новое и старое. При этом литературное слово может быть действительно новым для диалекта, так как усвоено им сравнительно недавно (например, в дублетной паре ЧЕРДАК - ПОТОЛОК в значении "чердак"). С другой стороны, оба компонента синонимической пары могли быть раньше принадлежностью общенародного словаря, но постепенно одно из них утвердилось в литературном языке как лексическая норма, а второе осталось на диалектной периферии (такова, например, дублетная пара ВКУСНЫЙ - СЛАДКИЙ в значении "вкусный").

Говоря об абсолютных синонимах в народном говоре, следует учитывать их специфику по сравнению с абсолютными синонимами в литературном языке. В литературном языке компоненты лексического дублета (например, ЯЗЫКОЗНАНИЕ - ЛИНГВИСТИКА) являются активными синонимами в речи одного и того же лица. Компоненты диалектного лексического дублета (например, ЧЕЛЮСТИ - ЗЕБРЫ) выступают синонимами в говоре как едином языковом целом, но не в речи каждого отдельного носителя этого говора. Таким образом, диалектная синонимия сближается с

диалектной полисемией в плане зависимости этих семантических явлений от возрастной дифференциации носителей говора.

Лексические дублеты в говоре, как и в литературном языке, обнаруживают тенденцию к распадению. При этом возможны два результата, аналогичные результатам распадения лексического дублета в литературном языке: а) диалектное слово уходит из говора, вытесненное литературным эквивалентом, б) диалектное и литературное слова расходятся в значениях, образуя идеографическую пару.

Источником семантических изменений в народном говоре в конечном счете является многозначность слова. Развитие в слове вторичного значения вызывает к жизни вторичный синонимический ряд. Развитие вторичного значения у слова, имевшего антоним, приводит к возникновению антонима и у нового значения слова. Ослабление и забвение признака, легшего в основу переноса названия приводит к возникновению омонимов.

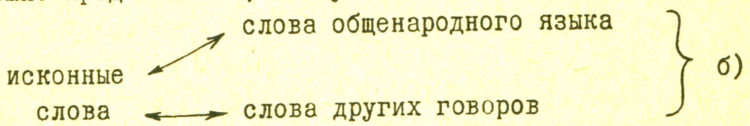
Т.С.Коготкова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОДНОГО ГОВОРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ.

I. Интенсивное изучение лексики одного говора и накопление соответствующих словарных материалов открывает возможность исследователям для начала изучения системных взаимоотношений в лексике диалекта. Лексико-семантическая система современного говора, как и всякая лексическая система определяется прежде всего теми оппозиционными и сходными отношениями, которые сложились в ней между лексическими единицами. В центре их лежат отношения между близкими по смыслу словами-синонимами, осложненными в настоящее время сосуществованием в лексической системе любого современного говора собственно местных и общенародных лексических единиц.

2. Проблема синонимии современного говора включает в себя изучение целого ряда вопросов и среди них в первую очередь: а) изучение семантических взаимоотношений среди компонентов в (условно говоря) исконных синонимических рядах лексической системы диалекта (большой - лобастый - родный - рожалый - ражий; казать - гутарить - балить, бачить - молать - говорить) и выяснение при этом смысловой и конструктивно-фразеологической значимости общенародных слов (большой; говорить); б) изучение активизировавшихся в настоящее время "дублетных взаимоотношений" (Л.И.Баранникова), возникающих в говоре как результат сосуществования слов диалекта и их эквивалентов (дублетов) из литературного языка (кость - мосол; пусть - онатось, обещать - сулить) и соседних говоров (осока - резика, навеха - вихорка); в) изучение взаимоотношений нейтрального слова и соответствующих ему по смыслу эмоционально-экспрессивного ряда синонимов (бить - валтузить - буздать), появление которых объясняется устной формой функционирования диалектной речи; г) изучение взаимоотношений между словом и его фонетическими, морфологическими, морфонологическими вариантами (мужжевельник - мужжеельник - мужжеел - мужеела - мужжее/лка), вызванных к жизни так же условиями существования в ненормированной устной речи и значительно шире представленных в лексической системе говора, чем в литературном языке.

3. Указанный перечень вопросов, связанный с проблемой синонимии, охватывает два вида лексических явлений - собственные синонимы (а, в) и дублетные слова (б, г). Существование слов-дублетов в лексико-семантической системе говора (типа б) порождает сознательное и в то же время весьма активное отношение носителей диалекта к своему словоупотреблению. Можно предположить, что указанные слова-дублеты (типа б)

в ряде случаев в языковом сознании носителей говора сливаются в единый более "правильный", более "культурный" пласт и противопоставляются в этом отношении исконным диалектным словам (ср. такое объяснение своего словоупотребления одним из носителей говора: Пъ интили́уэ́нтнаму - ръспакры́ўшы, а па на́шъму - късмако́м ал' ръспакры́ткай).

В этом и состоит одно из объяснений активизации междиалектного словообмена, являющимся частным проявлением общего процесса языкового словообмена, столь характерного для современного этапа существования русского языка.

4. В отдельных индивидуальных случаях дублетные отношения исконного слова диалекта (лихости́ться) и его литературного эквивалента (ненави́деть) в лексической системе говора порождают новые слова, не известные ни говору, ни литературному языку (ненависти́ться), что и ведет к расширению всего синонимического ряда (лихости́ться - ненави́деть - ненависти́ться).

5. Синонимические ряды (типа в), компонентами которых являются нейтральное слово (бить) и его эмоционально-экспрессивные синонимы (бу́здать, валту́зить) характеризуются относительной устойчивостью в лексической системе говора, при этом эмоционально-экспрессивные компоненты данного ряда обладают большой активностью в речи и являются постоянным резервом для пополнения литературного просторечия, обогащения периферийных слоев лексики литературного языка. Последнее отражает свойственное нашему времени расширение границ литературного языка, вызванное к жизни изменением "социального состава носителей литературного языка" (С.И.Ожегов).

В.И.Столбунова

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ.

I. Русские поселенцы на Буковине в течение столетий живут отдельными островками на обширном украинском массиве в самом тесном лингво-этническом, экономическом, культурном и

политическом контакте с коренным украинским и молдавским населением.[x]

2. Живая народная речь русских поселенцев на Буковине является весьма интересным экспериментом, созданным самим ходом истории, продуктом вековых межъязыковых контактов, взаимодействия языков (говоров) разной степени родства.

3. Многолетнее, систематическое, обстоятельное накопление фактов, изучение процессов, возникающих в языковой действительности русских поселенцев на Буковине, привели нас к некоторым общим выводам, которые характеризуют специфику развития живой речи в разноязычном окружении вообще. Разноязычное окружение - мощный фактор, определяющий специфичность развития "островных" говоров.

Изучение говоров, находящихся в иноязычном окружении, приобретает особый научный интерес, ибо их развитие является, на наш взгляд, своеобразной моделью основных путей развития языка в будущем.

4. Процессы, происходящие в жизни и развитии русских говоров на Буковине, заметно отличаются от соответствующих процессов коренных говоров. "Если по характеру своего развития коренные языковые массивы войдут рано или поздно в новый этап относительно ускоренного развития, то переселенческие вошли уже и служат во многом индикатором этого будущего" (В.С.Ващенко, Про індикаторні процеси в розвитку мови, Лінгвістичний семінарій, Тези доповідей, Дніпропетровськ, 1964, стр. 21-22).

5. Продолжительная этническая обособленность, необыкновенная замкнутость, кондовые старообрядческие устои способствовали стойкой консервации и прочной сохранности их

---

[x] Села Грубно, Белоусовка, Кацапская Магала (окраина города Хотина) до 1918 г. входили в состав Российской исперии, с 1918 по 1940 г. находились под владычеством Румынии. Белая Криница, Липованы (Нижний Лукавец) до 1918 г. были под игом Австро-Венгрии, с 1918 по 1940 г. входили в состав боярской Румынии.

речи, исключительной устойчивости их говоров.

Система говоров русских поселенцев на Буковине, несмотря на длительное разноязычное окружение, не подверглась разрушению, сохранив свой исконно русский характер с заметным количеством устаревших, архаичных форм. Говоры представлены хоть и в довольно своеобразной, но стройной системе. Сохранилась исконно русская фонетическая и грамматическая организация языка. Определенное влияние на сохранение отдельных диалектных черт в исследуемых говорах оказывает близкородственная украинская языковая среда (стойкость фрикативного "ɣ", губно-губного "в" и др.).

Устойчивость, понятно, не означает неподвижности. Как устойчивость, так и изменения - это явления, взаимно связанные между собой. Реальная картина может быть изображена только с учетом обоих факторов.

6. В исследуемых говорах обнаружены весьма активные процессы изменений. Это вытекает из специфических условий их развития.

7. Влияние близкородственного украинского языка проявляется во всех компонентах живой народной речи.

а) Изменения в фонетической системе и грамматическом строе под влиянием украинского языка незначительны. Они не являются регулярными, не распространяются на все аналогичные позиции. Но тем не менее некоторые из них существенны. Чаще всего фонетические явления лексикализируются, употребляются лишь в определенных словах. Имеют место контаминационные фонетико-морфологические формы, которые, как правило, функционируют параллельно с русскими формами.

б) В лексике наиболее заметно отражены заимствования. Лексика служит важным показателем как современного состояния говоров, так и их развития. В лексике мы наблюдаем наиболее "чистый" вид заимствований, наиболее прямолинейный и массовый.

в) Русские говоры свободно заимствовали из близкород-

ственного языка множество наречий, которые глубоко вошли в их систему. Такое широкое распространение украинских наречий объясняется природой и особой активностью их функционирования.

8. В исследуемых говорах здесь мы сталкиваемся с различными видами постепенных языковых изменений, которые в своей совокупности указывают на общий процесс развития.

Основным фактором выступает влияние окружающего огромного массива коренной живой народной речи на небольшие переселенческие островки. Наиболее ощутимый вид изменений - это заимствование отдельных языковых элементов. Обычно этот процесс связывается с механическим перенесением фактов языкового строя. И проявляется он прежде всего в лексике. Этот процесс особенно ярко представлен в условиях смешанного русско-украинского заселения (с. Белоусовка, Кацапская Магала-окраина города Хотина, г.Черновцы). Заимствования бытуют и в виде активных параллелей. Дублетные, параллельные формы являются именно тем фактором, которым характеризуется процесс поступательного перехода от старого к новому.

Насыщенность украинизмами изменяется в зависимости от речевой ситуации. При общении с украинцами в речи носителей русских говоров значительно больше украинских слов и форм.

9. У русских поселенцев наблюдаем элементы билингвизма, которые вызваны потребностью слушать, понимать, общаться с коренным украинским населением, а не для двуязычного общения между собой.

10. Менее активно и в других формах выступает влияние языков отдаленного родства - молдавского и румынского.

В фонетической и морфологической системе русских говоров заимствования из молдавского и румынского языков (говоров) не отмечены.

Заимствования из языков отдаленного родства наблюдаем исключительно в лексике.

Молдавские и румынские слова в русских говорах, как правило, приобретают русскую фонетическую огласовку, подвер-

гаются русской грамматизации. Во всех случаях молдаванизмы и румынизмы произносятся акающе, взрывной велярный "г" звучит по-южнорусски как фрикативный "ɣ", происходит замена несвойственного русскому языку э в середине и в конце слова звуком а и т.п.

Сложный процесс заимствований из молдавского и румынского языков происходит двумя путями;

I) усвоением молдавско-румынских лексем, не имеющих в русских говорах соответствующих дублетов, и

2) заимствованием лексем, употребляющихся параллельно с русскими и украинскими синонимами

чáпа - лук - цыбýл'а

матýша - т'óта - вýйна

Весьма распространены "возвратные" заимствования.

У незначительной части носителей русских говоров на Буковине наблюдаем элементы русско-молдавского двуязычия, которое заключается в том, что "липоване" понимают молдавскую речь и изредка могут ответить по-молдавски на отдельные элементарные вопросы.

II. Советский период внес глубокие, интенсивные изменения во все области жизни буковинцев. Весьма ощутимые изменения происходят и в говорах, особенно под влиянием русского литературного языка, независимо от иноязычного окружения. Они носят внутренний характер. Этим изменениям подвергается в первую очередь живая народная речь среднего поколения и молодежи, оканчивающей школу.

Г.Н.Асланов

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА В ГОВОРАХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Доклад написан по материалам диалектологических экспедиций в села Русские Борисы (основано в I835 г.) и Владимировка (основано в I890 г.). В этих селах живут носители южнорусских

говоров, выходцы из бывших Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Самарской и Саратовской губерний.

Вопросы фонетического освоения заимствованной лексики из азербайджанского языка специально не ставились в работах, посвященных изучению говоров русских поселенцев в Азербайджане.

Тесная экономическая связь между русскими поселенцами и местным населением, с одной стороны, и длительное иноязычное окружение, с другой, не только способствовали развитию двуязычия у русских, но и содействовали проникновению в язык традиционного говора определенных разрядов лексики из азербайджанского языка (бахмес, чарак, шаны, нагря).[x]

Представляет большой интерес проследить фонетическое освоение заимствованной лексики, ибо фонетическая система каждого из национальных языков имеет свои особенности.

Цель настоящего доклада - показать , как фонетически осваивались в русских говорах азербайджанские слова,[xx] имеющие в своем фонемном составе специфические гласные азербайджанского языка.

Доклад состоит из двух частей: первой - общей части и второй - практической, где анализируются особенности произношения конкретных заимствований.

В первой части сопоставляется инвентарь гласных фонем контактирующих говоров (общими дифференциальными признаками для гласных русского и азербайджанского языков[xxx] являются

---

[x] Бахмес - патока из плодов тутовника, винограда и арбуза, чарак - светильник, коптилка; шаны - род деревянных вил с тремя или пятью зубцами; нагря - пахталка, маслобойка.

[xx] Как азербайджанские рассматриваются не только собственно азербайджанские слова, но и все те, которые в говоры русских попали через азербайджанский язык.

[xxx] Под русским и азербайджанским языком и здесь и далее подразумеваются говоры этих языков, находящиеся в языковом контакте.

степень подъема языка при произношении гласных и наличие или отсутствие лабиализации).

Гласные азербайджанского языка:		Гласные русского языка:	
негубные	губные	негубные	губные
и ы	ʏ[x]	и ы	- у
е -	о	е -	- о
ə -	--	- -	- -
- а	- -	- а	- -

При сравнении фонологических систем гласных азербайджанского и русского языков, мы видим, что в одинаковых оппозициях внутри каждой системы выступают 6 гласных звуков (и, ы, е, у, о, а). Эти фонема в сравниваемых языках считаем эквивалентными (заимствования, которые целиком имеют в своем фонемном составе эквивалентные звуки, в докладе не рассматриваются). Под эквивалентными фонемами, вслед за Т.Милевским, мы понимаем такие фонемы, которые появляются в тождественном месте в тождественных оппозициях сравниваемых языков, неэквивалентными же являются те, которые ни в одной тождественной оппозиции не выступают. Естественно, эквивалентность не есть адекватность или абсолютное тождество, ибо отношения сравниваемых фонем к другим фонемам внутри каждой системы имеют свои особенности и не могут быть абсолютно одинаковыми.

Иными словами, эквивалентными считаем такие фонемы, которые на слух в языке А и в языке В воспринимаются одинаково.

К неэквивалентным фонемам относятся 3 гласных звука азербайджанского языка (ʏ, ɵ, ə).

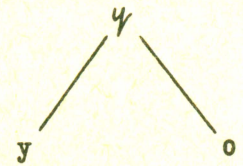
На основе анализа артикуляторно-акустических особенностей гласных русского языка и неэквивалентных гласных азербайджанского языка устанавливаются наиболее близкие и потенциальные

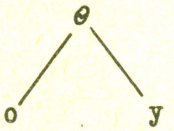
[x] ʏ - лабиализованный гласный верхнего подъема;
ɵ - лабиализованный гласный среднего подъема;
ə - нелабиализованный гласный средненизкого подъема.

заменители для неэквивалентных фонем азербайджанского языка в системе вокализма русского языка.[x]

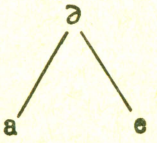
Так, для азербайджанского неэквивалентного "ʏ" наиболее близким в системе русского вокализма выступает "у", потенциальным заменителем может быть "о".

Для неэквивалентного азербайджанского "ɵ" в системе русского вокализма наиболее близким будет "о", а потенциальным заменителем может быть "у".

Неэквивалентный азербайджанский "ə" в системе русского вокализма может быть подменен звуком "а" или же звуком "е".

Во второй части доклада приводится перечень азербайджанских слов с неэквивалентными гласными ʏ, ɵ, ə и устанавливается, как заменяются эти звуки в речи русских.

Анализ лексического материала показывает, что заимствования, по фонетическим особенностям в произношении русских, могут быть разделены на более ранние, где наблюдается полная

---

[x] Исследователи, занимавшиеся в той или иной мере вопросами межъязыковых отношений, касаясь фонетической стороны вопроса, справедливо отмечают, что иноязычное слово воспринимается через фонологическую систему родного языка.

фонологическая (фонетическая) ассимиляция специфических азербайджанских звуков (*наур'а* из *нəнрə*) и более поздние, где в произношении специфических гласных наблюдается колебание.

Ф.П.Сергеев

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ХАРАКТЕРОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ДИАЛЕКТАМИ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ СМЕШАННОГО ЗАСЕЛЕНИЯ.

Села Обильное, Тундутово, Плодовитое Сарпинского района Калмыцкой АССР возникли в 40-50-х годах XIX века. Их первыми поселенцами были русские и украинцы - выходцы из Курской, Воронежской, Орловской, Харьковской, Полтавской губерний России. В каждом населенном пункте, как правило, сталкивались одновременно представители упомянутых выше губерний.

Такое этническое смешение населения оказалось весьма благоприятным для возникновения активного процесса взаимодействия не одинакового, но близкородственного языкового материала. На протяжении более века столкнувшиеся разнодиалектные стихии, постепенно нивелируясь, вызвали к жизни такие языковые новообразования, которые явились общими в этом, в основном южнорусском диалекте.

Нами описываются результаты наблюдений над говором указанных выше населенных пунктов, характеризуются языковые факты, появившиеся в результате взаимодействия диалектов русского и украинского языков. Южнорусские черты говора, относящиеся к фонетике, морфологии и лексике, не рассматриваются здесь.

В области фонетики обращает на себя внимание развившееся иканье (южнорусским говорам, как известно, свойственны разные типы яканья) и так называемое "рэканье" (рэчка, прышол).

В первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных э, а произносится звук, близкий к и: пискú, чисн, тинýть, литéть, зирнó, питёрка, мижá, питак.

История формирования этого говора помогает понять причины возникновения иканья. Лингвистическая характеристика говора, сравнение с говорами, которые были его основой, дают возможность предположить, что бывшие пришельцы в район обследования из упомянутых выше центральных губерний России занесли в места смешанного заселения с украинцами разные типы южнорусского неархаического яканья. Многие старожилы еще помнят, что их деды и отцы "якали": бяды́, нясу́ и т.п. Выходцы из бывших Полтавской и Харьковской губерний являются носителями диалектных черт украинского языка.

Разновидности яканья, оторвавшись от своей питательной почвы, в общем говоре того или иного села, возникшего на новой территории, надо полагать, сначала представляли собой "сбитый", пестрый характер. Но с течением времени под влиянием некоторых особенностей предударного вокализма украинского диалекта (бíда, тéпло) и соответствующего предударного вокализма русского литературного языка, особенно в советский период, принесенные разновидности яканья оказались расшатанными, неустойчивыми и благодаря этому начали растворяться постепенно в иканье, которое впоследствии утвердилось в говоре. Спорадическое произношение предударного этимологического а в словах "пустяки́", "рядóк" объясняется влиянием украинского диалекта, в котором это а в указанной позиции сохраняется. В речи молодежи оно поддерживается орфографией.

В области согласных отвердение р перед гласными переднего ряда и, е (трúста, трэ́тий) - самый яркий результат взаимодействия между диалектами русского и украинского языков. Украинская твердость согласных перед е, и, занесенная в места смешанного русско-украинского заселения, не могла в этих условиях не оказать влияния на отвердение некоторых согласных русского говора. Менее стойким, наиболее поддающимся процессу отвердения перед е, и оказался звук р.

Своеобразные предпосылки для веляризации именно дрожащего р содержатся, как нам представляется, в физиологических свойствах этого звука и характере его сочетаний с другими со-

гласными в слоге (находясь обычно после твердых согласных, он обнаруживает склонность уподобиться предшествующему согласному по твердости; возможно, этому благоприятствует и характер образования р; сравните: во многих южнорусских говорах вследствие ассимиляции р предшествующему твердому согласному звуку наблюдается такое произношение: грыбы, скрып и т.п.).

В описываемом русском говоре украинский отпечаток очень заметен на предложно-падежном управлении. Вот несколько синтаксических конструкций в говоре, сложившихся под влиянием предложно-падежного управления украинского языка. I) Зарегистрированы многочисленные случаи использования конструкций из существительного в предложном падеже множественного числа с предлогом по при глаголах различного лексического значения: Вада́ бижи́ть па калёсах. Па бальши́х вытя́жинах ганя́ють скот. 2) Широко употребительна конструкция из существительного, местоимения в родительном падеже (с предлогом до), выполняющим функции общерусского предлога к, при глаголах направленного движения: Ана́ паéхала да брáта. Парни́шка да сасéда пабижа́л. 3) Используются и такие конструкции на украинский образец: Он ат мине́ мало́жэ. Малады́е с стариков смиётца. Ты ни биспако́йся за дитями.

Дается объяснение причин внедрения в южнорусском говоре украинских конструкций, вытеснивших русские.

Лексический состав описываемого говора представлен в основном общерусскими словами. Большая часть диалектной лексики его широко известна во многих южнорусских говорах. Но этот русский диалект в результате взаимодействия с диалектом украинского языка довольно заметно обогатился украинскими словами (около 200 слов). Описываются причины сравнительно легкой приживаемости украинских по происхождению слов в русском диалекте и делаются общие выводы о характере взаимодействия между диалектами близкородственных языков.

С.Д.Кац

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ И МЕЖДИАЛЕКТНЫЕ КОНТАКТЫ В ОБРАЗОВАНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ОДНОГО ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА.

I. В основу доклада положена мысль В.М.Жирмунского о "первичных" и "вторичных" языковых признаках. "Первичные" признаки, наиболее резко отличающие данный язык от других, затрудняют общение. "Вторичные" признаки не препятствуют общению, т.к. представляют собою менее заметные отклонения. Именно они оказываются наиболее жизненными в процессе языковых или диалектных смешений. "Первичные" признаки, не используемые при общении, скоро исчезают.

П . Село Славянка Кедабекского р-на Азербайджанской ССР, лексика которого рассматривается в докладе, основано в 1844 г. ссыльными духоборами, не представляющими этнического и языкового единства (русские, украинцы, цыгане, евреи, мордва). Их потомки в настоящее время используют единое и обязательное для них всех средство общения - один из южновеликорусских говоров. В процессе его образования контагировали родственные и неродственные языки основателей села и азербайджанский язык местного населения. По количеству "первичных" и "вторичных" языковых признаков контагирующие языки и говоры находились в неодинаковых условиях: I) различные южновеликорусские говоры, 2) южновеликорусские и северновеликорусские говоры, 3) русские и украинские говоры, 4) русский язык и иносистемные языки (последовательность нумерации указывает уменьшение "вторичных" признаков).

Ш. Невозможность использовать цыганский, мордовский и еврейский языки за пределами семьи приводит к их постепенному забвению. Они не оказали сколь-либо существенного влияния на словарный состав говора.

IУ. Деловые контакты с азербайджанским населением породили относительное двуязычие обеих сторон и обогатили говор

рядом лексических заимствований. Тематически заимствования весьма разнообразны и, в основном, обозначают понятия, которые русским крестьянам до переселения не были известны. Небольшое количество заимствований существует в говоре в синонимических рядах с русскими и украинскими словами. Почти все заимствованные слова подверглись фонетической и грамматической ассимиляции, в некоторых произошли семантические сдвиги, продиктованные семантическими возможностями русского языка.

У. Местные условия ограничили употребление украинского языка рамками семьи. Но генетическая близость и наличие многих общих лексем в украинским и южновеликорусских говорах ("вторичные" признаки) позволили сохраниться в говоре ряду украинизмов, не лишая говор его исторической основы. Большинство украинизмов существует в системе говора в синонимических рядах, содержащих и русские, а иногда и азербайджанский компоненты. Они отличаются здесь меньшей словообразовательной способностью и семантической валентностью, чем их русские синонимы.

УІ. При контагировании различных русских говоров неминуемо должны были сохраниться элементы, общие для них всех. К таким относятся, помимо общенародных слов, и слова, известные в своей основной номинативной функции только в говорах, хотя и на очень большой территории. В литературном языке эти слова обычно употребляются в иной функции, с определенным стилистическим заданием (просторечие).

УП. В результате контагирования различных языков и говоров образовался южновеликорусский говор со значительным количеством общедиалектных лексем, а также украинизмов и тюркизмов. Его нельзя считать тождественным ни одному из говоров, бытующих на основной территории русского языка.

М.Сивицкене.

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКИХ ГОВОРАХ ЛИТВЫ ИЗ ОКРУЖАЮЩИХ ЯЗЫКОВ.

Наличие маргинального и внутрирегионального типов контактирования языков и диалектов на территории Литовской ССР обусловливает проникновение в расположенные здесь русские говоры большого количества иноязычных слов.

История проникновения русских поселенцев в Литву и позднейшее взаимодействие языков и диалектов разной степени родства (русский - литовский, русский - польский, русский - белорусский) создали неоднородность для слов иноязычного происхождения по степени функционального и формального освоения. Требуется дифференцированный подход при определении степени освоения иноязычных слов в зависимости от языка-источника. Употребление литовских слов в русских говорах Литвы показывает, что соответствие между их освоением в функциональном и формальном планах не обязательно и во многих случаях его нет.

Чем больше развито двуязычие, тем больше на определенном отрезке времени встречается слов, взятых из окружающего языка "для данного случая", не освоенных, не ставших еще заимствованиями.

В условиях иноязычного окружения и двуязычия заимствованные слова часто не являются единственным средством номинации. Они используются наряду с исконным словом и заимствованиями из других языков без различий в идеографическом плане, как слова дублеты или как члены синонимического ряда.

Как показывает изучаемый материал, от характера родства языка-источника во многом зависит и грамматика - морфологическая характеристика заимствований. Лексические заимствования в русских говорах Литвы подтверждают мысль, высказанную В.И.Столбуновой о том, что из близкородственного языка легко заимствуются наречия и служебные слова.[x] Заимствования из литовского языка в русских говорах Литвы относятся в основ-

[x] См. В.И.Столбунова. Развитие говора русских поселений на Буковине. Наукові записки Чернівецького Державного университету, т.57, в. 18., ст.43-44.

ном к именам существительным.

При изучении заимствований в русских островных говорах интересным является вопрос о том, какие тематические группы слов пополняются из окружающих языков. В публикациях, связанных с изучением русских и других изолированных говоров, находим различные утверждения.

Пополнение тех или иных тематических групп заимствованной лексикой, на наш взгляд, не столько зависит от степени родства окружающих языков, сколько от причин нелингвистического порядка (условий жизни, производства той среды, в которой очутились русские поселенцы).

Л.И.Ермакова

О СУДЬБЕ РУССКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА.

I. Изучение русских говоров, особенно развернувшееся в последние годы в связи с составлением диалектологического Атласа, становится все более углубленным и разносторонним.

Если ранее исследовались преимущественно говоры материковые, то в настоящее время отмечается возрастающий интерес к вопросам, связанным с развитием русских говоров в иноязычной среде. Об этом свидетельствуют опубликованные статьи и монографии, посвященные наблюдениям над говорами русских переселенцев, населяющих национальные республики нашей страны (Азербайджанскую ССР, Киргизскую ССР, Латвийскую ССР, Украинскую ССР, Молдавскую ССР и др.), а также отдельные зарубежные страны (например, в Румынской Народной Республике в различных лингвистических сборниках за период с 1959-1964 г. опубликовано 15 статей о русских говорах на территории Румынии); Всесоюзные и региональные совещания по вопросам взаимодействия языков в социалистическую эпоху (в г.Алма-Ате в

1961 году; в Бухаресте в 1961 г; в г.Кишиневе в 1963 г; в г.Черновицах в 1964 г. и т.д.).

Исследования подобного рода заслуживают, на наш взгляд, тем большего внимания, что говоры эти являются наименее изученными, а между тем они, вследствие своего отрыва от основного языкового массива, а также вследствие относительной замкнутости определенной части их носителей, представляют интересный материал не только для диалектологов и этнографов, но и для историков языка, так как могут помочь в разрешении таких актуальных вопросов, как взаимодействие родственных и неродственных языков, проблемы билингвизма, характера заимствований из других языков и т.д.

2. В ряде сёл на территории Молдавской ССР на протяжении почти трех столетий проживает коренное русское население -потомки бывших раскольников - старообрядцев, бежавших в свое время из центральной России на её окраины от преследований правительства и официальной церкви. "Старообрядство было своеобразной формой борьбы против феодального гнета, прикрываемого и освещаемого церквью".[x]

Говоры населения русских сёл Молдавии, длительное время находясь в отрыве от материковых русских диалектов (особо следует отметить период насильственного насаждения румынского языка в годы боярско-румынского владычества (1918-1940 гг.), сохранили, однако, свою самобытность и носят, в основном, ярко выраженный южновеликорусский характер.

3. Вместе с тем длительный лингво-этнический контакт с местным молдавским и, отчасти, украинским населением не мог не оказать определенного влияния на исследуемые нами русские говоры. Это влияние, будучи незначительным в фонетико-грамматической структуре, весьма заметно в лексическом фонде говоров.

Следствием взаимодействия языков (в данном случае речь пойдет о русских и молдавских говорах) является, с одной сто-

---

[x] Б.Д.Греков, История СССР, т. I, М., 1947 г., стр. 648.

роны, наблюдаемое в среде "липован" двуязычие и, с другой стороны, различного рода лексические заимствования в родном говоре.

4. Исследования показали, что степень воздействия молдавского языка на говоры "липован" зависит от целого ряда причин: от давности основания села на территории Молдавии; от первичности или вторичности переселения (часть русских переселенцев сначала обосновалась на Украине, а лишь потом они заселили пустующие земли Бессарабии); количественного соотношения русского и молавского населения в одном селе и в связи с этим наличия или отсутствия школы с преподаванием на родном языке.

5. Основной пласт проникших в наши говоры молдаванизмов обусловлен заимствованием новых для "липован", ранее им незнакомых предметов и понятий. Это, например, садово-виноградная терминология (ботуш "саженец", ɣараɣа" подпорка под виноград", т'аск "виноградный пресс", ɣуты "айва" и др.); отдельные наименования национальных блюд (малай "кукурузный хлеб", саламур, мурату́ра - виды засола и т.д.); некоторые понятия из области скотоводства (стына "загон для овец", струнга "место для доения овец") и т.д.

6. Ряд заимствованных из молдавского языка слов служит средством четкого разграничения названий для сходных, но неодинаковых предметов, такова, например, детальнейшая дифференциация названий народных средств передвижения. Значительное число молдаванизмов составляет дублетные наименования к русским словам (кукуруза - папуша; сирень - ильяк; кружка - канка; подвал - башка; труба - ɣоджак и др).

Нами зафиксировано значительное количество молдаванизмов, вытеснивших исконные семантические дублеты из родного языка (русские слова "воз", "луг", "окраина", "овраг", "землянка", "шалаш" и др. вытеснены соответствующими молдавскими заимствованиями "кэруца", "имаш", "маɣала", "рыпа", "бордей", "колыба").

7. Некоторые из современных молдаванизмов обязаны своим происхождением языкам славянским (так называемые "возвратные" заимствования). К ним, например, следует отнести ɣыртоп, извор, сэрак, млажа и др. (см. в различных древнерусских и старославянских памятниках: ст.-сл. ВРЪТОПЪ, др.-русск. ВЪРТЫПЪ; болг. ИЗВЪР; др.-русск. СИРЪ; др.русск. МЛАДЪ).

8. Проникая в русские говоры, молдавские слова так или иначе изменяли свой семантический объем. Значение отдельных слов чаще всего сужалось, т.е. заимствовалось, как правило, одно, прямое, значение (глуга, млажа, струнга, куркан).

9. Кроме того, процесс заимствования сопровождался определенной фонетико-морфологической адаптацией, т.е. приспособлением молдаванизмов к структуре родного языка (точнее, к системе южнорусских говоров). Сюда, например, относится распространение акающего произношения на молдавские слова; замена молдавского г (ɦ) (фарингального) южнорусским г (ɣ) (фрикативным); появление родовых окончаний, свойственных русскому языку и т.д.

Г.А.Турбин

ШЕПЕЛЯВЕНЬЕ МЯГКИХ ЗУБНЫХ СОГЛАСНЫХ В УРАЛЬСКИХ ГОВОРАХ

I. Вопрос о шепелявенье смягченных или несмягченных согласных в северо-восточных европейских или уральских русских говорах не изучался. Впрочем, и по отношению к русским говорах в целом проблема нуждается в разработке.

Под шепелявеньем смягченных зубных обобщенно понимаем изменения в ряде шумных мягких зубных, заключающиеся в их более дорсальном и палатальном образовании. След., к шепелявенью в широком смысле слова необходимо отнести не только шипящее произношение палатализованных или палатальных с,з, но и спирантизацию т', д', в том числе цеканье-дзеканье (либо бе-

лорусского, либо великорусского типа). Пользуемся термином "шепелявенье", ибо термины "шоканье" и "соканье" (А.М.Селищев) в настоящее время нередко используются в ином значении.

2. На Южном Урале есть единственный, но компактный остров говоров с шепелявеньем мягких зубных (западные районы Челябинской области и прилегающие к ним районы БАССР); за пределами этой зоны шепелявенье представлено на Ю. Урале единично в говорах отдельных деревень. Однако в говорах старожилов Среднего Урала и Приуралья в местах длительных контактов русского и угро-финского населения шепелявенье распространено географически шире, встречаясь в разбросанном виде многочисленными островками.

3. Шепелявенье в качестве последовательно проведенного фонетического явления - большая редкость; в одних и тех же говорах обычно сосуществуют два ряда (две вариации) шумных мягких зубных: а) шепелявые спиранты с", з" и аффрикатированные т", д"; б) нешепелявые с', з', т', д'. Шепелявые и нешепелявые мягкие зубные ничем не отличаются по фонологическим отношениям к парным непалатальным согласным.

4. В говорах Южного Урала, как правило, шепеляво звучат все шумные смягченные (или палатальные) зубные, т.е. с', з', т', д', ц' (если последний сохранил свою мягкость). В меньшем числе говоров произносится с шепелявеньем только одна пара зубных - с"-з" или т"-д" (существующая факультативно и пережиточно), но обычно за счет утраты спиратизации звуками т',д'. Материалы "Атласа русских народных говоров центр. областей к востоку от Москвы" и "Атласа русских народных говоров северно-западных областей СССР" показывают такую же картину: область мягких т',д' с фрикативным призвуком как бы вписывается в зону шепелявых с', з'. Обратные соотношения, т.е. употребление спирантизованных т',д' без параллельного употребления шепелявых с', з', представлены говорами очень небольшого числа населенных пунктов. Т.о., шепелявые с", з" сравнительно со спирантизованными т", д" занимают значительно большую территорию, если учесть и говоры, сочетающие обе пары, т.е. с"-з" и т"-д".

5. Есть факты, говорящие о том, что в уральских и европейских русских говорах шепелявенье мягких зубных утрачивалось постепенно, а не фронтально, причем быстрее исчезали цеканье-дзеканье, нежели шепелявенье в с', з'. В говорах переходных от белорусских к южнорусским шепелявенье исчезало в иной последовательности.

6. Шепелявенье мягких зубных с', з' и аффрикатизации т',д' в говорах Южного Урала, как нами установлено, преимущественно не местного происхождения. Лишь в небольшой части отдельных южноуральских говоров шепелявенье восходит к среднеуральскому (пермскому) диалектному источнику.

7. Вопрос о связи шепелявенья мягких зубных и цоканья=чоканья должен быть решен в положительном смысле, ибо изоглоссы шепелявых с', з' или аффрикатированных т', д' наслаиваются на изоглоссы цоканья-чоканья, хотя ареал последних неизмеримо шире. Есть и другие факты, подкрепляющие генетическую связь шепелявенья и цоканья - чоканья. Сочетание цоканья=чоканья с шепелявеньем необратимо: наличие в говорах цоканья=чоканья еще не предполагает шепелявенья мягких зубных.

8. Нет сомнения в том, что смешение фонем ч и ц и рядов шипящих-свистящих в истории отдельных диалектов не всегда было синхронным, однако смешение рядов шипящих и свистящих начиналось в говорах, сложившихся еще в древности, со смешения фонем ч и ц.

9. Следствием унификации рядов мягких свистящих и шипящих были непалатальные свистящие и шипящие особого качества, а также промежуточные ш^{с}, ж^{с}, с^{ш}, з^{ж} ("шоканье" и "соканье" в узком смысле слова).

10. Современные ареалы шепелявенья и факты истории европейских и уральских русских говоров свидетельствуют об адстратной и субстратной генеалогии шепелявенья мягких шумных зубных согласных.

Л.Л.Касаткин

УТРАТА ЗАТВОРА АФФРИКАТАМИ [ч'], [ц] В ЗАПАДНЫХ ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ.

I. Утрата затвора у [ч'] и [ц] происходила на одной и той же территории, в основном соответствующей современной территории распространения [ш'] на месте [ч'] ; в дальнейшем происходило сужение территории соканья. Об этом свидетельствует распространение в западных южнорусских говорах слова руцкий, в котором [ц] на месте [с] возникал, очевидно, в результате отхода этих говоров от соканья: территория распространения слова руцкий вместе с территорией соканья примерно соответствуют территории, на которой распространено произношение [ш'] на месте [ч'].

2. Звук [ш'] представляет собой результат заимствования мягкого [ч'] западными южноруссами, произносившими твердый [ч]. Усвоение инодиалектного (иноязычного) звука всегда обусловлено характером фонологической системы диалекта (языка), воспринимающего этот звук. Фонологически существенными у западного южнорусского [ч] были аффрикатность и шипящность, т.к. фонема /ч/ была противопоставлена как "аффриката" "фрикативной" /ш/ и "взрывной" /т/ и как "шипящая" "свистящей" /ц/. Твердость звука [ч] была фонологически несущественной. Представители западных южнорусских говоров должны были увидеть разницу между своим [ч] и инодиалектным [ч'] в том, что [ч'] - звук мягкий. Поэтому мягкость [ч'] они воспринимали как признак существенный и переносили его на фонему, воплощённую в этом звуке. При усвоении [ч'] в западных южнорусских говорах не появлялось никакой новой фонемы: [ч'] воспринимался как "заместитель" [ч], поэтому признак "мягкость" должен был вытеснить один из прежних дифференциальных признаков фонемы /ч/, а в связи с этим должно было измениться отношение /ч/ к /ц/, /т/, /щ/. Ни отношение /ч/ - /ц/, ни отношение /ч/ - /т/ не могло трансфонологизоваться в отношение "мягкая ~ твердая", т.к. это привело бы

к совпадению /ч/ с /т'/, замена же прежнего отношения /ч/ - /ш/ на новое отношение "мягкая ~ твердая" было вполне возможно: в системе фонем не было фонемы, противопоставленной фонеме /ш/ только как "мягкая" "твердой", и в системе звуков не было звука [ш'] , воплощавшего какую-либо фонему.

3. После утраты фонемой /ч/ дифференциального признака "аффрикатность" фонема /ц/ либо должна была стать изолированной в системе, либо тоже должна была утерять этот признак. В связи с неустойчивостью изолированных, не включенных в систему, фонем реализовалась вторая возможность. Утратив вслед за /ч/ "аффрикатность" и потеряв, таким образом, свое отличие от /с/ и /т/, противопоставленных /ц/ как "фрикативная" и "взрывная", /ц/ должна была совпасть либо с /с/, либо с /т/. Поскольку замена [ч] на [ш'] ознаменовалась разрывом непосредственных связей с "взрывной" и сближением с "фрикативной" фонемой, это обусловило и "выбор" у /ц/: она совпала с /с/. В результате этого произошла утрата затвора у [ц] и изменение [ц] > [с].

4. В связи с тем, что фонема /ш/ стала "твердой", и тем, что расширилась сфера употребления "твердой" фонемы /с/ за счет /ц/, и твердые [ш] и [с], воплощавшие эти фонемы, могли произноситься перед /е/, позиция перед /е/ перестала быть слабой для "твердых" и "мягких" фонем. Противопоставление фонем /ш'/ - /ш/ и /с'/ - /с/ появилось и в этой позиции ([ш'] ей - [ш] ей, [с'] ел - [с] ел). А это в свою очередь привело к тому, что чередование твердых согласных, выступавших в позиции не перед /е/, с парными мягкими согласными, выступавшими перед /е/ (коле[с]о́ - коле[с']е́, теп[л]о́ - теп[л']е́е и т.п.), из фонетического чередования (фонема - архифонема) превращалась в морфологическое ("твердая" фонема - "мягкая" фонема).

В.В.Колесов

К ФОНОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЪЯСНЕНИЮ СЕВЕРНОРУССКОГО ЦОКАНЬЯ.

Среди многих вопросов, объединяемых общей проблемой севернорусского цоканья, с накоплением конкретного материала важное

значение приобретает определение условий существования цоканья исходя из общей системы консонантизма северновеликорусских говоров. Задача сообщения - предварительная фонологическая интерпретация севернорусского неразличения аффрикат. Следует признать и положить в основу исследования утверждения, что севернорусское цоканье своим появлением и не обязано никакому субстрату, а является продуктом внутрисистемного развития отдельных диалектов общеславянского языка (В.Г.Орлова) и что севернорусские говоры в прошлом испытали только одну палатализацию заднеязычных, по условиям совпадающую с первой (С.М. Глускина).

Чтобы поставленную задачу решить по возможности эффективно, необходимо учесть следующие два условия: поскольку речь идет о системе согласных, важно рассмотреть ее на примере какого-то одного, притом архаического говора; поскольку речь идет об исходной (общей для всех нынешних северновеликорусских говоров) системе согласных, в представленном архаическом говоре необходимо по возможности точно определить элементы исходной системы, произвести предварительную реконструкцию этой системы.

Указанным условиям удачно соответствует пинежский говор Архангельской области (территория вокруг районного центра г.Карпогоры). Шире и последовательнее всего в пределах района распространено мягкое цоканье (твердое и полутвердое /ч/ и /ч'/ в словах, заимствованных из литературной речи: рабочых, чай, нефключам). Наряду с этим в речи некоторых старых носителей говора встречается смешение /ч/:/ц/, ограниченное определенными фонетическими условиями: независимо от литературного произношения с его "этимологическим" составом согласных в слове перед /и/, перед /j/, перед согласным и в абсолютном конце слова последовательно произносится /ц'/, перед остальными гласными фонема [ц'] может реализоваться в различных оттенках мягкого шепелявого /ц'/, акустически напоминающего полумягкое /ч'/. Очень много примеров, когда палатализованное /ц'/ утрачивает фрикативный элемент, превращаясь в

/т'/ (это явление в южной части говора наблюдал П.С.Кузнецов и описал его в 1949 г; произношение взрывной части аффрикаты как общей для свистящей и шипящей аффрикат нередкость в тех говорах, где отсутствует оппозиция [ц'] : [ч']).

Из других особенностей консонантизма достаточно выразительны: сохранение мягкости /ж'/, /ш'/, особенно перед гласными переднего ряда и перед согласными (перед остальными гласными факультативно полумягкие /ж'/, /ш'/), которые иногда воспринимаются как "шепелявые" /з''/, /с''/; палатализованное /д'/ в определенных условиях воспринимается как /j/: /в'ийит, на лошайи/. Поскольку ДП палатализованных зубных является не зубная, а средненебная артикуляция, возникает соотнесенность /з' с' т' д'/ соответственно с /ж' ш' ц' j /, тогда как /з с т д / не соотносятся по общему ДП с /ж ш ц/, потому что /ц/ вообще нет в системе, а /ж'/ и /ш'/ отвердевают позиционно лишь в последнее время. Фонологическая оппозиция /з/:/з'/, /с/:/с'/, /т/:/т'/, /д/:/д'/ ослаблена и не реализуется последовательно.

В говоре обнаруживаются также следы твердости (позиционной полумягкости) губных и заднеязычных (произношение типа: пыскар'и, пырог'и, рукы, кысла, хытр'ей) и в сопоставлении с приведенными уже особенностями консонантной системы это позволяет реконструировать следующую исходную систему (без сонантов и ω):

п	т	т'/ц'	к
б	д	д' j	г
	с	с'/ш'	х
	з	з'/ж'	

В предварительной реконструкции легко обнаружить определенное сходство с восстанавливаемой другими средствами древнерусской консонантной системой (К.В.Горшкова). Определенные коррективы должен внести анализ других архаических севернорусских говоров. Для нашей цели важно установить, что в традиционной системе говора нет дифференциации между палатализо-

ванными зубными и передненёбными. Такая система препятствует появлению передненёбной аффрикаты наряду с зубной, а еще точнее, не делает между ними различия.

Новые условия возникают с недавно начавшимся в говоре формированием соотносительности согласных по мягкости-твердости и постепенным отвердением /ж'/, /ш'/. Теперь фонологически релевантным становится ДП, связанный с артикуляцией передней части спинки языка, поскольку старый основной фокус (среднее небо + спинка языка) невозможно стало сохранять во избежание полного смешения однофокусных с двуфокусными /ж/, /ш/. Аналогично позиционному разграничению других согласных в это время /ш'и , но ша/ происходит фонетическое распределение /ц'/ и /ч'/ в зависимости от позиции.

Фонологическая система дала толчок развитию оппозиции /ц'/: /ч'/, сделав её возможной, но на современном этапе развития системы это еще не две фонемы, а варианты одной, именно [ц'] .

Т.А.Хмелевская

СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ РУССКИХ ГОВОРОВ ДОНА.

I. Системы согласных фонем различных говоров Дона в синхронном срезе довольно близки друг другу. Общие черты этих говоров свойственны системе согласных фонем и современного русского литературного языка.

II. Системы согласных фонем представлены, как и в русском литературном языке, коррелятивными парами по звонкости - глухости, по твердости - мягкости и небольшим числом внепарных согласных. Системы согласных фонем донских говоров представлены 30, 32 или 34 согласными, различающимися в сильных позициях, т.е. в позициях максимальной дифференциации фонем.[x]

[x] При описании звуковой стороны говоров Дона я исхожу из фонологической теории Р.И.Аванесова, изложенной им в "Фонетике современного русского литературного языка", МГУ, 1956 г.

Подвижными элементами в системе согласных фонем являются: [ф] и [ф'], [x̄] и [x̄'] . Звонкий фрикативный заднеязычный [ɣ] имеет глухую пару [х].

Во всех говорах Дона звонкие и глухие согласные фонемы максимально дифференцированы перед всеми гласными, перед сонорными, перед [в], [в'] и перед [j], т.е. в тех же позициях, что и в современном русском литературном языке.

Твердые и мягкие согласные фонемы максимально дифференцированы перед [а], [о], [у] за исключением нижнедонских говоров (Азовского, Аксайского, Радионово-Несветаевского и др. р-ов), в которых мягкие губные не функционируют перед [а], [о]: I) бас 2) мот, 3) бох, но I) б'йас' 2) м'йот, 3) пр'иб'йох, и ограничено- перед [у]: ɣип'йур . Во многих средне- и верхнедонских говорах твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены также перед [и] и в абсолютном конце слова; в других анализируемых говорах мягкие и твердые согласные фонемы дифференцированы перед [и], в конце же слова различаются все твердые и мягкие согласные, кроме губных: жар, жар'; дат', адат; но с'йем, сем; цеп, с'т'еп, насып. Довольно компактную группу на нижнем Дону образуют говоры, в которых перед [и] и в абсолютном конце слова противопоставлены все твердые и мягкие согласные, кроме губных и [р]: т'иха, тырла, мот, мот' и под. В этих говорах очень слабо представлена корреляция твердых и мягких губных согласных фонем и отчасти [р] и [р'] . Перед [и] в этих говорах функционируют только мягкие губные и [р']:

б'ит', б'истра, ɣалуб'ийа, ɣарб'и;
п' и л', п'ил, кацапи;
в'и, в'ирасл'и, кравав'ийа, здрав'и;
м'и, м'ила, хам'и;
р'иба, кр'иша, р'ижный, пам'идори (примеры говора ст. Елизаветинской Аз.р-на). Однако в современных говорах начинает развиваться противопоставление твердых и мягких губных фонем и [р], [р'] перед [и]: ɣарб'и и ɣарбы, баб'и и бабы, карав'и

и карóвы, р'иба и рыба и т.д. В одних говорах Дона противопоставление твердых и мягких губных и [р], [р'] перед [и] находится на уровне лексики, в других говорах происходит фонологизация этого явления.

В этих же нижнедонских говорах в абсолютном конце слова противопоставлены [р] и [р'], а твердые и мягкие губные не дифференцируются: стар, камáр', но сып, насып, с'йем и т.д.

Ш. В слабых позициях выступают позиционные варианты, аллофоны сильных фонем.

Слабыми положениями для звонких и глухих согласных фонем являются те же позиции, что и в русском литературном языке: рос, марóс, ш'ипцы, рыпцы. Во многих говорах внепарный слабый [к] перед [п], [п'], [т], [т'], а также перед [ц], [ч'] совпадает с [х]: х-папý, х-пéти, хто, х-т'от'и, х-цéли, х-ч'óрту.

Слабыми положениями для твердых и мягких согласных являются:

I. В одной группе донских говоров те же позиции, что и в русском литературном языке.

2. В говорах Радионово-Несветаевского, Октябрьского и др. районов отличие от литературного языка в отношении слабых позиций твердых и мягких согласных фонем заключается в том, что [р] перед [е] функционирует как твердый: рэ́ска, рэ́т'ка, парэ́паный, парэ́ш, парэ́ч'а и т.д. В современных говорах обнаруживается тенденция к утрате твердого [р] перед [е]: см. рэ́ч'ка и р'éчка, нарэ́ч'ийа и нар'éч'ийа.

3. В довольно большой группе донских говоров происходит нейтрализация противопоставления губных согласных фонем по твердости-мягкости в абсолютном конце слова: дам, с'ем, óлуп, сып, цеп и т.под.

4. Во многих средне- и верхнедонских говорах заднеязычный [к] перед [а], [о], [у] выступает в слабой фонеме [к']. При этом в одних говорах слабая фонема [к'] в указанной позиции выступает после парных мягких согласных и [j]: (вáс'к'а, хар'к'óвайа, ч'айк'ý), в других – после парных мягких, [j] и [ч'] (дáйк'а, с – малач'к'óм, сáн'к'у). В некоторых из этих

говоров [к'] перед [а], [о], [у] появляется, по аналогии и после твердых согласных: папк'а, вофк'а, т.е. в сильной позиции, а таких говорах создаются условия для фонологизации [к']: ступка, папк'а, халофка, вофк'а. Фонологизации [к'], а отчасти и [ɣ'] способствует также и то, что [к'] и [ɣ'] довольно широко функционируют в этих говорах перед гласными фонемами заднего ряда: п'ик'от', стр'иɣ'óм и т.д.

IУ. Однако звуковые системы донских говоров отличаются друг от друга и от литературного русского языка не только составом согласных фонем, позициями дифференциации и нейтрализации твердости-мягкости губных и др. согласных фонем, но и степенью распространения тех или иных звуков; например:

I. во многих анализируемых говорах более широко, чем в других донских и в литературном языке функционируют мягкие зубные и губные согласные фонемы: хад'ý, вад'ý, плат'ý, закат'ý, ваз'ý, прас'ý, сп'ý, куп'ý, лав'ý, рам'ý, л'уб'ý.

2. В довольно большой группе говоров очень широко функционирует [в], появляясь в начале слова и слога перед [о], [у]: вон, вóс'ин', вóспа, завóч'н'ик, райвóн, вýх'и, вýмный, вумúр, каравýлит, павумнéй.

3. В большой группе нижнедонских говоров при наличии противопоставленных трех рядов фонем: [с] и [з], [с'] и [з'], [ш] и [ж] отмечается их своеобразное употребление в сравнении со средне- и верхнедонскими говорами, а также с русским литературным языком: а) наш (Р.и. мн.ч.), у-нáш, ваш (Р.и. мн.ч.), у-вáш, шама́, шкандáл, с'ич'áш, баркáш; б) сýра, сули́ка, сыбурсыт'; з'ил'éза, з'ил'éзный, з'áбры[x] (примеры из говора ст. Обуховской Азовского р-на).

---

[x] Как указывает В.Г.Орлова ("История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров"; М., I959 г., стр. 39), подобная мена шипящих и свистящих не характерна для русского языка и встречается в редких говорах. См. в псковских ("Псковские говоры", I962 г., стр. 34).

6. Системы согласных фонем одних говоров Дона близки к аналогичным системам рязанских, другие - к курским и орловским говорам, нижнедонские говоры в системах согласных фонем обнаруживают большую связь с украинскими, отдельными севернорусскими, а также южнорусскими говорами. Анализ систем согласных фонем донских говоров не только дает материал для изучения структуры русского национального языка как целого во всех его территориальных разновидностях, но и проливает свет на генезис говоров Дона, на связь их с языками близкородственными и неродственными.

М.К.Кокобаев

ГОВОР ЗАПАДНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРЬКОЙ ЛИНИИ.

I. Изучаемый говор относится к типу русских старожильческих говоров Западной Сибири и расположен в виде узкой лентовидной полосы на территории Кустанайской и Северо-Казахстанской областей Казахской ССР. Укрепленная линия крепостей, известная под названием Горькой линии, была воздвигнута в середине XVШ в. между Омском и Оренбургской губернией и являлась правым (западным) флангом Сибирского казачьего войска. Обитатели Горькой линии были первыми русскими поселенцами Севера казахских степей. Таким образом, описываемый говор сибирских казаков в течение двух столетий развивался в непосредственном контакте с говорами казахского языка.

2. Лингвистическому исследованию говор ранее не подвергался. В специальной литературе имеется лишь краткое замечание проф. А.Д.Григорьева о якобы переходном средневеликорусском характере говоров Пресногорьковской линии[X] (так

[X] А.Д.Григорьев, Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири, Сб. ОРЯС, АН СССР, т.IOI, №3, изд. АН СССР, Л., I928, стр. 389.

называлась часть линии западнее Петропавловска), высказанное без диалектологической аргументации. Однако его утверждение не подтверждается нашими наблюдениями: на собственно Пресногорьковской линии говоры окающие северновеликорусские.

3. К устойчивым фонетическим особенностям говора относятся: оканье, еканье, произношение твердых шипящих ж, ш во всех позициях, утрата йота в интервокальном положении с последующей ассимиляцией и стяжением гласных, произношение сочетаний ст, сть в конце слов без согласного т.

Устойчивым, но только в речи старшего поколения, является заударное "ёканье".

Стирающимися чертами являются взаимная мена шипящих и свистящих согласных, произношение с на месте ц, л полумягкого на месте твердого л.

На грани полного исчезновения находятся переход а в е под ударением в положении между мягкими согласными, неразличение аффрикат ц и ч, изменения в группах согласных вн - мн, бм - мм.

4. Развитие грамматической системы говора в целом характеризуется следующими особенностями:

Основным процессом в развитии морфологической системы имен и глаголов является продолжающийся процесс выравнивания основ, например: а) склонение имен существительных по формам единственного числа можно объединить в два основных типа при явной тенденции к их унификации во множественном числе, б) формы I-го и 2-го спряжения глаголов с безударным окончанием совпадают во всех лицах и числах (хóч'иш, высохн'ит, м'ёл'им, стáн'ит'е).

Словообразование отдельных частей речи и их внутренние изменения свидетельствуют о взаимодействии и взаимовлиянии частей речи между собою. Так, например, все именные части речи оказываются взаимосвязанными в своем развитии.

В развитии системы морфологии говора наблюдается пере-

плетение противоположных тенденций: сохранение некоторых грамматических форм древнейшей поры русского языка, утраченных общерусским литературным языком, например, окончаний существительных множественного числа мужского и среднего рода (кот'а́ты, болóты, в'е́дры), форм глаголов многократного вида с заменой корневого О гласным А (ор'еста́вывал'и), наречий времени типа з'и́мус', л'е́тос' и, в то же время, более активное изменение некоторых частей старой морфологической системы, чем в литературном языке, например, в склонении существительных. Явление это в целом говорит о неравномерности развития отдельных частей изучаемой языковой системы и обусловлено внутренними законами развития языка.

5. Подавля́ющее большинство слов, рассмотренных нами с точки зрения их распространенности в соответствующих значениях среди говоров русского языка, - типично северновеликорусские, наиболее известные в пределах ярославских, пермских, архангельских и среднеуральских говоров. Почти все они известны и в говорах Сибири .

6. Заимствования из казахского языка отмечаются в самых различных областях лексики местного диалекта. Однако период интенсивного заимствования русскими казахских слов в настоящее время нужно считать законченным. Теперь скорее имеет место обратный процесс - процесс утраты некоторых заимствованных, но малоупотребительных слов. К тому же число русских, владеющих казахским языком, в последние годы заметно уменьшается, а число казахов, разговаривающих на русском, постоянно увеличивается.

7. Этнографические особенности планировки, устройства и украшений жилища, надворных построек и одежды носителей изучаемого говора являются характерными для части Европейской России к северу от Москвы, т.е. территории, занятой представителями северновеликорусского наречия.

8. Изучаемый говор, являющийся органической частью русских говоров Сибири, имеет северновеликорусское происхождение. В рамках северновеликорусского наречия говор нужно признать смешанным, сложившимся на базе различных его диалектов, преобладающими в которых явились Вологодско-Вятские и Северные говоры.

9. Отсюда следует, что наполнение западных станиц Горькой линии, имевшее место во второй половине XУШ в., происходило, видимо, в основном за счет ранних русских переселенцев, осевших к тому времени в более высоких широтах Западной Сибири и являвшихся, как известно, выходцами из северных и северо-восточных губерний Европейской России.

Этот вывод имеет определенное значение и для исторической науки, т.к. помогает выяснению вопроса о первоначальном этническом субстрате русского старожилого населения на территории Северного Казахстана, вопроса, который является частью большой проблемы - проблемы колонизации Западной Сибири.

IO. Описываемый нами говор более двухсот лет назад был оторван от материнского языка и развивался в иноязычном окружении, в иных естественно-географических и исторических условиях, однако мы не наблюдаем в нем распадения русской фонетической системы и морфологического строя, что говорит в пользу устойчивости и жизнеспособности языка как социального явления.

В.Т.Мосиенко

ПЕРЕХОД ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА В МУЖСКОЙ РОД В ГОВОРАХ ЮЖНОГО УРАЛА.

I. Одной из ярких особенностей некоторых русских говоров на Ю.Урале являетсяя разрушение категории среднего рода имен существительных, проявляющееся в переходе существительных среднего рода в мужской или в женский род. Наименее изученным и потому особенно интересным представляет-

ся переход имен существительных среднего рода в мужской.

Вопрос о переходе среднего рода в мужской интересовал многих ученых. О нем писал С.П.Обнорский, Н.П.Гринкова, А.В. Миртов, С.С.Высотский, С.И.Котков, отдельные замечания об этом явлении есть в работах многих других исследователей, но тема не перестает быть актуальной, т.к. нет единого мнения о причинах перехода среднего рода в мужской, неизвестны пути этого перехода.

2. Изучение перехода среднего рода в мужской на материале говоров Ю.Урала представляет особый интерес, т.к. здесь эта особенность представлена в двух разновидностях: переход среднего рода в мужской как основная, почти единственная трансформация среднего рода - в призаводских акающих говорах Ю. Урала; переход среднего рода в мужской, сопутствующий широко представленному переходу среднего рода в женский, - в говорах переселенцев из южных геберний.

Вопрос о переходе среднего рода в одном говоре и в женских и в мужской род в лингвистической литературе освещен совершенно недостаточно.

3. В призаводских акающих говорах Ю.Урала (говоры переходного типа на северновеликорусской основе) переход среднего рода в мужской представлен очень широко. Он в равной мере находит выражение всеми возможными грамматическими средствами: формами определений различных типов, формами глаголов-сказуемых и анафорическими местоимениями - бытавой хазайсва, окъла сабору, малинъвай варенйа, паганый ведро, сита шашы, а ришато реткай, и ата фсех аргонизмах етат лекарства, вес жылеза, вес пръизвосва, у нас тут сабранйа был, смалйо у них гарел, капат землу - золота бы напал, сала он атстаицца, вон вет он, селпо, жылезъ станут катат, вит он как ваш рушка и т.д., и т.п.

4. В говоре курских переселенцев на Ю.Урале основным является переход среднего рода в женский. Переход среднего рода в мужской встречается значительно реже и выражается преимущественно формами определений. Это позволяет предполагать, что переход имен существительных среднего рода в мужской связан прежде всего с изменениями в формах определений при именах существительных среднего рода.

5. Переход существительных среднего рода в мужской в призаводских акающих говорах и в говоре курских переселенцев не связан с местом ударения в слове, в мужской род могут переходить имена существительные среднего рода с ударным и с безударным окончанием. Это обстоятельство заставляет усомниться, вопреки утверждениям И.Р.Емельченко[x], в наличии связи перехода среднего рода в мужской с обликом самого существительного (совпадение по форме имен существительных среднего и мужского рода в связи с редукцией конечного гласного).

6. Изучаемые говоры свидетельствуют о наличии унификации склонений существительных мужского и среднего рода во множественном числе, но, наш взгляд, эта унификация не могла явиться решающим условием для перехода имен существительных среднего рода в мужской, т.к. формы множественного числа существительных среднего рода в речи малоупотребительны и трудно предполагать такое сильное воздействие этих форм на категорию среднего рода в целом. К тому же унификация склонений имен существительных мужского и среднего рода известна большому кругу говоров, эту особенность можно считать общерусской, в то время как переход среднего рода в мужской имеет место лишь в некоторых средневеликорусских и южновеликорусских говорах.

7. Для говоров, которые знают переход имен существительных среднего рода в мужской, характерна сильная редукция глаоного в конечном открытом слоге, приводящая к полному исчезновению конечного гласного внутри синтагмы. Здесь мы часто встречаем: он как пълушал полнъй стафку..., такай ширнига

[x] И.Р.Емельченко, Категория рода в уральском степном говоре, Ученые записки Гурьевского пединститута, т. I, 1958 .

крупныйа, такуй плошъшку малинкъйу, у нас хорошый была ушитилница, ризонныйа, у внушки какай каса хорошъйа была, двухкласнъй ушильшшь-т были, стайали такий станы, смалйо ета пинки, ета стары кандовый пинки старинныи и т.п.

В этих же фонетических условиях есть редукция и в других грамматических категориях.

Возможность для перехода среднего рода в мужской создает сильная редукция конечного гласного звука в формах определений при именах существительных среднего рода: такой масла полнъй рьшато. Этот фонетический фактор привел к полному совпадению парадигм склонения прилагательных (местоимений) мужского и среднего рода, которые в роли определений являются одним из средств выражения категории рода существительных.

Категории мужского и среднего рода существительных грамматически слабо противопоставлены друг другу в русском языке (парадигмы склонения имен существительных мужского и среднего рода почти полностью совпадают). Совпадение парадигм склонения прилагательных (местоимений) мужского и среднего рода в связи с редукцией конечного гласного еще уменьшило грамматическую противопоставленность этих двух категорий. Все это вместе взятое вызвало осознание существительных среднего рода как слов мужского рода.

Связь перехода среднего рода в мужской с наличием сильной редукции конечных гласных в окончаниях определений, попадающих внутрь синтагмы, подтверждается не только материалами уральских говоров, но также данными других говоров, знающих этот переход, например, волоколамских говоров, говоров белорусского языка.

В.И.Трубинский

ОБ ОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ БЕССОЮЗНОГО ГИПОТАКСИСА В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА.

I. Развитие бессоюзного подчинения в диалектах русского Северо-Запада шло в последние три - четыре столетия по пути

совершенствования прежде всего бессоюзно-коррелятивной связи и универсализации отдельных ее средств.

2. В то время как бессоюзный гипотаксис - явление само по себе мало выразительное и труднодифференцируемое, участие коррелята превращает его в достаточно явственный языковый факт.

3. Элемент так, чаще дак (в вариантах: дык, дък), утвердился в говорах Северо-Запада как почти универсальный коррелят при бессоюзном гипотаксисе (став при этом одним из главных соотносительных слов также при союзном подчинении), что находит статистическое потверждение.

4. Элемент дак (так) вводит главные предложения в сложноподчиненных конструкциях с придаточным условным, временным, определительным, дополнительным, подлежащным, сказуемым; участвует также в выражении причинно-следственных и сопоставительных отношений.

5. Коррелят дак (так), организующий сложное целое, и элемент дак внутри простого предложения (элемент, разделяющий подлежащее и сказуемое, две части сказуемого, сказуемое и дополнение, сказуемое и обстоятельство) суть результаты единого процесса и явления одного порядка.

6. Возобладание бессоюзно-коррелятивного подчинения в большинстве русских диалектов состоит в связи с развитием в ряде северновеликорусских говоров особой, близкой к союзной, функции постпозитивной частицы то.

7. Бессоюзно-коррелятивный гипотаксис в сравнении с собственно бессоюзным является в говорах Северо-Запада предпочтительным. Подчеркнутое единообразие его средств представляется не синтаксическим архаизмом, а результатом нового развития синтаксической системы.

О.Г.Порохова

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ.

I. Вопросы словообразования в русском языке с точки зрения его отношения не к грамматике, а к лексике, хотя и начали разрабатываться очень давно (еще в работах Ломоносова), до настоящего времени остаются мало изученными. Соответственно еще менее изучено словообразование в диалектах русского языка.

2. Теоретическое значение изучения словообразования в диалектах для изучения истории языка обосновывается в сер. XIX в. Срезневским. Однако отсутствие достаточно серьезных теоретических оснований методологии и методики изучения лексико-семантического словообразования русского языка в целом привело к тому, что на протяжении XIX и даже начала XX в. не было сделано каких-либо серьезных обобщений и выводов в этой области. Имеющиеся в работах этого периода замечания о лексико-семантическом словообразовании в русских диалектах (обычно в работах, дающих описание какого-либо говора, а также в вступительных статьях к диалектным словарям и изданиям фольклорных записей) представляют собою отдельные факты, в лучшем случае подобранные в группы по каким-либо словообразовательным особенностям, большей частью без какого-либо лингвистического анализа. Во многих случаях отсутствует разграничение не только фактов лексико-семантического и грамматического словообразования, но и отделение фактов словообразования от фактов морфологии и фонетики.

3. Из крупных ученых середины XIX в. интерес к диалектному словообразованию проявляют Буслаев и Лавровский. Их

наблюдения в этой области, хотя и являются несистематическими, поскольку содержатся в работах, посвященных в целом не диалектологическим вопросам, очень интересны и сохраняют значение до настоящего времени. Они рассматривают диалектное словообразование в историко-генетическом плане.

Работа начала XX в. Н.Н.Дурново "Описание говора дер. Парфенок Рузск. р. Моск. губ." впервые дает системное описание говора, в том числе и его словообразовательных особенностей. Такой подход к диалектному материалу стал возможен после работ представителей "казанской школы" системного направления изучения языка, разработанного в последней четверти XIX в. (Бодуэн-де-Куртене, Богородицкий и др.).

4. В первое время после Великой Октябрьской революции лексико-семантическое диалектное словообразование также не изучается специально. Сведения о нем содержатся в некоторых работах, описывающих особенности каких-либо говоров, изучающих диалектную лексику, грамматику, синтаксис и др., историческую грамматику и лексику и т.д. Грамматическое словообразование русских диалектов в этот период начинает изучаться очень глубоко, часто в специальных исследованиях (работы Аванесова, Кузнецова, Орловой, Копорского, Сидорова, Гвоздева и др.). В этих работах уже достаточно четко различается грамматическое и лексико-семантическое словообразование.

Продолжают появляться работы, в которых факты лексико-семантического словообразования русских говоров привлекаются в историко-генетическом и историческом плане (работы Ляпунова, Обнорского и др.).

Начинают находить некоторое отражение вопросы диалектного словообразования в исследованиях в области лингвистической географии (по материалам работы над Атласом, см. работу Вопросы теории лингвистической географии).

5. Лишь в 50-х годах XX в. появляются работы, специально посвященные изучению лексико-семантического словообразования, выполненные на основе материалов, собранных специаль-

но для изучения этого вопроса. Их появлению способствовало то, что в середине 40-х годов намечается известный сдвиг в изучении теоретических вопросов лексико-семантического словообразования (Щерба, Винокур). Таких работ еще немного. В них решаются пока очень конкретные задачи. Только намечается круг вопросов, которые они должны ставить перед собой. Не выявлена достаточно отчетливо специфика проблем диалектного словообразования в отличие от проблем словообразования общенародного языка.

6. По методике исследования все имеющиеся работы, специально посвященные изучению лексико-семантического словообразования, можно разделить на две части: I. работы, в которых дается системное изучение словообразовательных моделей в каком-либо одном говоре без дифференциации фактов диалектных и общенародных; 2. работы, в которых дается исследование диалектных фактов, отделенных от фактов общенародного языка, правда всегда в сопоставлении с ними (таких работ - большинство). Различие методики работ по диалектному словообразованию соответствует двум методам изучения диалектного материала вообще.

7. Применяя первый из указанных методов изучения диалектного словообразования, можно выяснить соответствие типов словообразования в данном говоре и литературном языке, вопросы механизма словопроизводства в говоре (производное и производящее слово, переразложение основ и т.п.), процесс взаимодействия типов словообразования внутри диалекта, вопрос продуктивности моделей, а также процесс нивелировки диалектных словообразовательных типов под влиянием литературного языка. Разновидностью этого же метода изучения словообразования говора является изучение каких-либо отдельных диалектных и общенародных морфологически вариантных слов в одном говоре с обязательным учетом сосуществования этих форм в данном говоре.

Необходимым условием применения этого метода является привлечение к исследованию материала только одного или нескольких, но очень близких говоров. При привлечении материалов

многих различных говоров без дифференциации диалектных и общенародных форм задача исследования выходит за рамки диалектологии и переходит в план рассмотрения общих проблем словообразования, часто со стилистическим уклоном.

9. Рассмотрение номенклатуры диалектных аффиксов, их значений, типов основ, с которыми они соединяются, географическое распределение диалектных аффиксов и т.д., а также вопросы продуктивности (в плане общего количества соответствующих моделей в диалектах, безотносительно к хронологии их проявления и количества их в тех или иных говорах), и некоторые другие вопросы более целесообразно, видимо, производить вторым из указанных выше методов, то есть исследуя диалектные факты многих говоров, отделяя их от фактов общенародного языка, хотя и с обязательным условием их сопоставления.

IO. Диалектное лексико-семантическое словообразование русского языка стало привлекать внимание ученых только в самое последнее время, его изучение еще ждет своих исследователей.

В.Б.Силина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СУФФИКСАЛЬНОЙ ВАРИАНТНОСТИ.

I. В последнее время все более настойчиво ставится вопрос об изучении народных говоров как языковых систем, в целом удовлетворяющих потребностям языкового общения и являющихся основным средством коммуникации для их носителей (И.А.Оссовецкий). При этом необходимо отказаться от предвзятого подхода к говору, когда описание его производится в соответствии с категориями литературного языка. Они иногда оказываются недостаточными или слишком узкими (ср. образование наречий, имеющих форму единств.и множеств. числа: пешком - пеш-

ка́ми, изменение побудительной частицы по родам и числам: о́нтось - о́натось - о́нитось, образование сравнит. степени по качественному значению существительного: вор - ворее, дурак - дураче и т.п.)[x]. Изучение говора в плане выявления его внутренних законов может быть плодотворным и для изучения литературного языка, т.к. при этом могут быть определены такие явления и тенденции, которые могут быть прослежены и в литературном языке, но в силу их слабой очерченности, недостаточного распространения и т.п. ускользали от внимания исследователей.

2. Проблема суффиксальной вариантности словообразовательных моделей являеется частью общей проблемы языковой вариантности, которая, в свою очередь, является одним из аспектов пробле́мы отдельного слова и его границ (А.И. Смирницкий). Вариантность в общем виде - это возможность изменений звуковой оболочки слова или его морфологического строения при тождестве лексического значения (В.В. Виноградов, О.С.Ахманова и др.). Установление морфологических вариантов слов предполагает выделение процессов перехода словообразовательных форм в формы словоизменения (В.В.Виноградов), в также разграничение собственно вариативности слова и синонимии, которая может являться её пределом (О.С.Ахманова).

3. Для диалекта как ненормированной языковой системы, существующей только в форме устной речи, проблема вариантности слова особенно актуальна. Известна многочисленность фонетических и акцентологических вариантов диалектного слова (е́жли, е́жели, е́зли, э́зли, э́ли, и́ли и т.п.); морфологическая вариантность диалектного слова приводит даже к сведению вариантных форм в одну парадигму (ботвин - ботвина, лохонь - лохонья и т.п.).

4. В сфере диалектного словообразования неоднократно отмечалась широкая вариативность моделей с общим лексико-грамматическим значением. При этом возможно варьирование

[x] Все примеры взяты из говора д.Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.

более или менее продуктивных моделей (ср. образование названия лица женского пола: бригади́рка - бригади́рша, лехни́ха - лехо́ха) и непродуктивных моделей (ср. равнозначное употребление в говоре слов: колдай, колдаш, колдыш, колдырь - нарост на коре дерева).

Тенденция к подобной вариативности более чётко прослеживается в области глагольного словопроизводства. Здесь, очевидно, в силу большей отвлеченности глагольных суффиксов устанавливаются соотносительные словообразовательные ряды (ср. беда - бедить, бедовать; голод - голодовать, голодать; совет - советовать, советать; мудрый - мудрить, мудровать; колгота - кол_готить, колготовать, пестать - пестовать). В пределах такого ряда наблюдается безразличное употребление вариантных моделей, сведение словоизменительных форм в одну парадигму (при семантической и стилистической тождественности). Группа вариантных словообразовательных моделей, очевидно, образует в диалектной речи обобщенный словообразовательный тип, в пределах которого существует свобода выбора одной из них.

5. Изучение словообразовательной системы говоров методом установления обобщенных словообразовательных типов, выявления регулярности моделей, составляющих такой тип определения тенденций к расширению или сужению таких типов и т.п., возможно позволит по-новому осветить некоторые процессы в области словообразования, происходящие в современном литературном языке, особенно в его разговорном стиле. В ряде исследований по современному русскому словообразованию приводятся случаи вариантных словообразовательных моделей в сфере глагольного словопроизводства (В.П.Даниленко называет их "параллельными образованиями"). При этом обычно идет речь о борьбе синонимических образований, о стилистической и семантической дифференциации моделей, о вытеснении одной из равнозначных моделей (М.В.Панов: "Напряженными и драматичными оказываются отношения между моделями, тождественными или очень близкими по значениям и по сфере употребления"). Представляется вероятным

наличие и другой тенденции: распространение параллельных вариантных образований (типа: малярить - малярничать, дернить - дерновать и т.п.), установление семантического и стилистического тождества между ними (хулиганить - хулиганствовать, ворсить - ворсовать), что связано с десемантизацией словообразовательного аффикса (Ф.П.Филин) и с превращением его в почти словоизменительный.

Л.Сахарный

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДИКА СИНХРОННОГО АНАЛИЗА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ КАК УСТНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.

I. Говоры - устная форма бытования современного русского языка, живая речь, максимально свободная от традиционных норм (в отличие от литературной разновидности) и от книжного влияния (в отличие от городского просторечия). Поэтому говоры, быть может, - самый удобный объект для изучения живых внутрилингвистических процессов, а проблемы и методы такого аспекта изучения говоров представляют интерес, выходящий за рамки собственно диалектологии.

2. При таком аспекте анализа говоров, как правило, отпадает необходимость использовать методы лингвистической географии и тем самым (вольно или невольно) заострять внимание на региональных частностях. Напротив, гораздо логичнее рассматривать тот или иной говор как единую систему, не разделяя в нём факты региональные и факты общерусские (подходя к анализу системы "изнутри").

В то же время анализ системы любого произвольно взятого говора дает возможности для выяснения некоторых общих закономерностей функционирования диалектного языка как инварианта

("макросистемы" по терминологии Р.И.Аванесова[x]).

3. Очень плодотворным представляется такой подход при анализе словообразовательных процессов в говорах, в частности при выяснении продуктивности словообразовательных моделей.[xx]

4. Проблема продуктивности словообразовательной модели - одна из центральных проблем словообразования как науки о закономерностях образования новых слов в языке. Однако встречающееся в работах смешение типов морфологической структуры словаря и системы словообразовательных моделей ведёт к одностороннему и упрощенному пониманию продуктивности словообразовательной модели.

5. Анализируя историю (время и пути) появления тех или иных слов или групп слов, мы можем определить продуктивность того или иного типа в ту или иную эпоху. Причем для такого анализа достаточно остаться на уровне лексикологии (анализу подвергается морфологическая структура отдельных слов). Это чисто диахронический (ретроспективный) подход. Он очень важен для изучения истории языка, но не исчерпывает всех аспектов проблемы продуктивности.

6. Закономерен и другой подход к проблеме продуктивности: выяснение возможностей и путей образования новых слов на базе словообразовательной системы современного языка. Это уже синхронный подход к продуктивности (так как исследуются современные отношения в системе словообразовательных моделей). В то же время - это и диахронный подход, но не

---

[x] См. Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании I5-I8 мая I963 г., М., I963, стр. 3.

[xx] В качестве материала для исследования использованы русские говоры Среднего Урала (говоры на территории Свердловской и частично Пермской, Челябинской, Курганской, Тюменской областей).

www.ruslang.ru

ретроспективный, а перспективный, так как анализ этих современных отношений позволяет указать пути развития словаря языка в соответствии со структурными особенностями словообразовательной системы.

7. Изучение продуктивности в таком плане невозможно на уровне лексикологии. Для анализа необходимо отвлечься от отдельных (часто случайных) фактов морфологической структуры слова.

Анализируя типы словообразовательных (морфологических) структур словаря современного языка, мы сможем выделить из них систему потенциально готовых к функционированию типов - словообразовательных моделей. Выделение моделей должно быть основано на учете как количественных, так и структурно-семантических факторов.

8. Выделенные модели уже являются продуктивными. Однако это - ещё только потенциальная (лингвистическая) продуктивность, обусловленная структурными особенностями системы. Потенциальная продуктивность модели есть свойство абсолютное и зависит от а) конкретности значения модели (и, следовательно, от круга предметов, называемых образованиями по этой модели) и б) от четкости структурного типа. Поэтому моделью может считаться тип, включающий всего 2-3 образования, если он структурно четок и если значение его очень конкретно (ср. зимник, летник - о дороге).

При характеристике потенциальной продуктивности модели необходимо выявить также степень этой продуктивности, которая есть свойство относительное и проявляется лишь в системе синонимических моделей. Будучи потенциально продуктивной, такая модель может быть относительно более (или менее) продуктивна, чем другая, синонимичная ей (ср. названия орудий: более продуктивная модель - с суффиксом -ЛК-А: брякалка, каталка, мазилка, огребалка и др. и менее продуктивная модель - с суффиксом -АК: резак, черпак, темак).

9. Для определения возможностей реализации потенциальной

продуктивности необходимо выяснить нелингвистическую (функциональную) продуктивность, которая зависит от внешних по отношению к словообразовательной системе языка факторов (социально-экономических, географических, этнографических, психологических и др.). Выявление нелингвистической продуктивности включает в себя несколько аспектов.

I) Выяснение возможностей расширения семантической группы. Реальная база для образования наименований предметов, явлений данной семантической группы может быть в данный момент исчерпана (названия орудий труда) или не исчерпана (названия со значением единичности). При этом исчерпанная в данный момент реальная база может или обладать возможностью расширения в будущем (названия лиц по профессии), или не обладать такой возможностью (название частей белка).

2) Выяснение общественной потребности в расширении семантической группы.

а) Учет степени этой потребности (так, наиболее продуктивна в этом плане - лексика, связанная с созидательной деятельностью человека, и лексика, связанная с экспрессией. Наименее продуктивная - лексика, связанная с неживой природой, примитивной техникой и т.п.).

б) Учет характера этой потребности (необходимость обозначения новых предметов, понятий - ср. названий орудий труда, - и необходимость иного языкового оформления для потенциально уже существующего понятия - ср. уменьшительно-ласкательные слова, отвлеченные существительные, образованные от глаголов, и т.п. Эти образования чаще всего - речевые).

IO. Высказанные положения могут лечь в основу методики синхронного словообразовательного анализа в говорах. Эта методика может быть применена также в при анализе любой живой разновидности современного русского языка.

А.С.Герд

ИЗ РУССКО-БЕЛОРУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
(Об одной изоглоссе псковских говоров)

I. Восточнославянские диалекты на границе между русскими псковскими говорами и говорами северобелорусскими не раз уже привлекали внимание исследователей (Карский, Бузук, Мацкевич).

2. Все русские говоры южнее линии Опочка – Невель – Великие Луки – типично белорусские (Карский, М.Д.К.); говоры этих мест исконно великорусские, лишь впоследствии подвергшиеся влиянию белорусского языка (Бузук) – таковы два основных мнения, высказанные в разное время в лингвистической литературе.

3. Проведенные в I96I–I964 гг. словарные экспедиции Ленинградского университета в Себежский, Невельский и Великолукский районы Псковской области, детальное обследование целого ряда пунктов по границе с БССР позволяют привлечь сегодня новые материалы для решения этого вопроса. Одновременно в I962–I964 гг. по определенной сетке в Невельском и Великолукском районах лингвогеографически был проверен целый ряд слов, которые по данным картотеки Псковского словаря заранее можно было предполагать характерными только для юга Псковской области .

4. В результате такого лингвогеографического обследования наметилась целая группа слов, которые, действительно, вообще не известны севернее линии Опочка – Новосокольники – Поречье – Усмынь. Это слова: андырáк[x] (одежда), бýльба (картофель) и производные, вечéрять (ужинать), волнá (шерсть), волóга (жир), волóжить (маслить), годувáть (воспитывать), говóрки (говор, наречие), горéлка (водка), громáда (много), грóши (деньги), грýбка (чугунная печь), éжа (еда), залéслица (даль), знадóбить (заправлять пищу чем-нибудь), кватéрина (стекло в раме), кирмáш (деревенский праздник), кичка (часть головного убора), книговка (птица), коптур (часть печки), крёквы (стропила), крига (льдина), кросны (став), леха (грядка в огороде), лýстка (кусочек чего-нибудь), мень, менёк, мéнтус, ментóшка (названия налима), нехай (пусть, пускай), отлига (оттепель), пан, панéнка, пáрность, парня (о жаре), пахать (сеять), пéрше (впервые), пильно (внимательно), поднебéнье (свод в печке), пóливка (кушанье), пóлдневать (завтракать), пражить (жарить), пригóн (крепостное право), ребяк (одежда), редкавый (редкий), робить (работать), ростáни (перекресток), ручник (полотенце), ратовать (спасать), селява (рыба ряпушка), снедать (завтракать), стрáва (пища), суница (земляника), сховать (спрятать), трóху (немного), хýстка (головной платок), цагéльня (кирпичная мастерская), чýять (слышать), шваґр (свекр), шиба (стекло в раме), як, ятровка (невестка) и др.

5. Лингвогеографическая проверка этих слов наметила границу их распространения по линии Пустошка – I0–I5 км южнее Новосокольники – Поречье – Усмынь.

В картотеке Псковского словаря Словарного кабинета Ленинградского университета лишь некоторые из отмеченных слов зафиксированы единичными примерами и севернее этой линии при массовых и неоднократных фиксациях южнее отмеченной границы. Многие из этих слов по другим источникам для русского языка отмечены только в смоленских и брянских говорах (В.Н. Добровольский, Картотека брянского словаря ЛГПИ им. А.И. Герцена).

Характерно также, что южнее этой линии нет многих слов, которые широко распространены в остальной части псковских говоров.

6. Факты лексики не только не опровергают известное ранее лингвогеографическое распределение фонетических и морфологических явлений (Карский, Бузук, МДК), а полностью их подтверждают.

[x] В скобках приводятся лексические эквиваленты из русского литературного языка.

7. Единство всех этих данных позволяет провести определенную изоглоссу, которая проходит по линии Пустошка – Новосокольники – Поречье – Усмынь.

8. Отмеченная изоглосса – есть северная граница последней переходной диалектной зоны от русских говоров к говорам белорусского языка, зоны, южная граница которой проходит южнее современной северной границы БССР (приблизительно по линии Полоцк – Городок – Сурож. (См. Диалектологический атлас белорусского языка).

9. Исторически эта изоглосса почти полностью совпадает с северной границей Литовского княжества XIII–XV в. и позднее Польско-Литовского государства и б. Витебской губернии.

Е.М.Романович, Е.И.Чеберук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УДАРЕНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ (В СООТНОШЕНИИ С РУССКИМ И УКРАИНСКИМ УДАРЕНИЕМ).

Как свидетельствуют данные лингвогеографии белорусских говоров акцентологические изоглоссы выделяют явления, отражающие интонационные отношения, общие с русским и, частично, украинским языками.

В этой связи показательно ударение отдельных грамматических категорий – существительных, прилагательных, числительных.

I а) Существительные основ на -а/- ја/: вада, гара, зямля и др. в вин. падеже ед.ч. в говорах на юго-западе Белоруссии имеют акцентологическую подвижность вада́: во́ду, гара́: го́ру; в им. и других падежах ед.ч. ударение падает на конечный слог: вада́, вады́, вадо́ю и др.

Северо-восточные белорусские говоры отличаются неподвижным ударением на конечном слоге: на расу́, на ваду́, з'амл'у́ и др.

Как известно, ударение на основе в существительных жен. р. на -а/- ја/ является особенностью русского литературного языка и северновеликорусских говоров, а также украинского языка, хотя здесь оно отражено менее последовательно: вода́ – во́ду, нога́ – но́гу, но сцена́ – сце́ну, цена́ – це́ну. Отмеченная акцентологическая подвижность – особенность интонации общеславянского языка.

Неподвижное ударение им.-вин. падежей является грамматической и орфоэпической нормой белорусского литературного языка, которое определилось на основании северо-восточных белорусских говоров. Такое же ударение свойственно и южновеликорусским говорам (западной группе). Развилось оно в результате унификационных процессов, происшедших в этих говорах.

б) Существительные муж.р. типа мост, год, дуб, луг, плуг и др. имеют в белорусских говорах разноместное ударение: накоренное (у л'ес'е, на дубе, на лузе) в юго-западных говорах, что послужило основой литературной нормы белорусского языка, и наконечное (у л'асу́, на дубу́, на лугу́, у стагу́) в северо-западных говорах и говорах Брестской области (в последних ударение падает на первый гласный окончания: на луго́в'и). Ударение на окончании свойственно русскому языку: в лесу́, на лугу́.

в) Существительные жен.р. в основой на -ка: дзеўка, хустка и др. в им. падеже мн.ч. в говорах на юго-западе Белоруссии характеризуются наконечным ударением (дз'аўк'и́, хустк'и́, падушк'и́). Круг существительных с ударением на окончании включает не только имена на -ка, но также имена типа баба, груша, карова и др. (бабы́, грушы́, каравы́). В косвенных падежах мн.ч. сохраняется то же ударение, здесь последовательно выдерживается один акцентологический тип с наконечным ударением (хусто́к, бабо́ў, карава́м).

На большей части языковой территории тем же существительным характерно неподвижное ударение на корневом слоге (дз'е́ўк'и, каро́вы).

Формы мн.ч. с ударением на окончании - особенность украинских говоров.

2. В белорусских говорах полные прилагательные по своему ударению входят в один из двух больших типов: с ударением на корне (б'е́лы) или на окончании (тупы́). Вместе с тем отдельные прилагательные в различных говорах могут входить в разные акцентологические типы. В юго-западных говорах прилагательные то́ўсты, прасты и др. имеют ударение на основе (то́ўсты, про́сты), в северо-восточных - на окончании (таўсты́, прасты́), сохраняя старое ударение. Последнее отмечается в говорах русского языка (см. В.В.Колесов. Ударение полных прилагательных в современных псковских говорах. - Тезисы докл. на IX диалект. совещ.,1963 г., с. 45-47).

3. Свои специфические акцентологические особенности имеют числительные в белорусских говорах.

а) Отличаются местом ударения формы творительного падежа числительных два, три. Ударение может быть как на окончании, так и на основе: двума́, трыма́, двома́ (двама́), трома́ (трама́) и дво́м'и, тро́м'и, реже - двума́, двама́, трам'и́, трым'и́. Формы с ударением на основе распространены в группе северо-восточных говоров. Обычно такой тип ударения связан с основами дво-, тро- и окончанием -м'и. Спорадически этот тип ударения отмечается в формах с другими видами основ и при других окончаниях в юго-западных говорах. Интересно заметить, что в первой белорусской грамматике Б.Тарашкевича (Беларуская граматыка, 1918 г.) форма творительного падежа двома даётся, как вариант литературного языка.

б) Числительное четыре в форме творительного падежа отмечено с ударением на -ы (чатыр/ы́/ма). Наличие такого ударения объясняется сохранением старой системы фонетического ударения числительных. Реже этот тип ударения отмечен в других косвенных падежах.

Указанные особенности являются общими для говоров восточнославянских языков.

Формы творительного падежа с ударением на окончании характерны для большей части говоров и являются литературной нормой.

в) Различаются по месту ударения числительные второго десятка. В группе северо-восточных говоров отмечается ударение общее с ударением русского языка: адз'ина́ццац', чатырна́ццац'. В остальных районах произошло выравнивание ударения в этой группе числительных характерное для белорусского литературного и украинского языков: адз'ина́ццац', чатырна́ццац', как п'атна́ццац', шасна́ццац'. Тип ударения сохраняется во всей парадигме.

г) Сборные числительные первого десятка (четверо-девятеро) могут быть с корневым ударением и с суффиксальным. Для говоров северо-востока и юга в им.пад. характерными являются формы с ударением на корне (че́ц'в'ера, п'а́ц'ера, с'е́м'ера и т.д.), что является общим с русским языком. Говоры северного запада и запада характеризуются формами с ударением на суффиксе (чац'в'о́ра, п'ац'о́ра и т.д.). Правда, формы литературной нормы чац'в'ора проникают на территорию севера-востока. В косвенных падежах ударение всегда на окончании.

д) Порядковые числительные шосты - вос'мы в именительном падеже могут иметь ударение на основе и на окончании. Косвенные падежи сохраняют ударение именительного падежа. Общие с русским языком формы с ударенным окончанием распространены на северо-восточной территории. Формы с ударением на основе легли в основу литературного языка и распространены на территории юго-западных говоров.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Сопоставительное описание морфологии русских говоров с применением эталона 3

2. Баранникова Л.И. К вопросу об изучении диалектов на территориях позднего заселения 5

3. Бондалетов В.Д. Об использовании материала условно-профессиональных арго при изучении народного языка 9

4. Орлова В.Г. Основные задачи изучения современных процессов в говорах русского языка I4

5. Пеньковский А.Б. Об изучении процессов развития в живой диалектной речи I6

6. Мельниченко Г.Г. К вопросу о задачах и путях изучения процессов, наблюдаемых в лексике говоров русского языка на современном этапе их развития в советском обществе 2I

7. Паникаровская Т.Г. Изменения в звуковой и морфологической системах говора д.Парфёнки за время советской власти (по следам Н.Н.Дурново) . . . 24

8. Херольянц Р.В. Лексико-семантические группы слов в народном говоре (на материале лексики сел Каширское, Коломенское, Московское Новоусманского р-на Воронежской обл.). 27

9. Коготкова Т.С. О некоторых особенностях диалектной синонимии в лексической системе одного говора на современном этапе его развития . . . 30

I0. Столбунова В.И. Специфика развития русских говоров в иноязычной среде 32

II. Асланов Г.Н. Фонетическое освоение заимствований из азербайджанского языка в говорах русских поселенцев в Азербайджане 36

I2. Сергеев Ф.П. Некоторые наблюдения над характером взаимодействия между диалектами русского и украинского языков в условиях смешанного заселения 40

I3. Кац С.Д. Межъязыковые и междиалектные контакты в образовании словарного состава одного из русских говоров на территории Азербайджана . . . 43

I4. Сивицкене М. О лексических заимствованиях в русских говорах Литвы из окружающих языков . . 45

I5. Ермакова Л.И. О судьбе русских говоров на территории распространения молдавского языка . . . 46

I6. Турбин Г.А. Шепелявенье мягких зубных согласных в украинских говорах 49

I7. Касаткин Л.Л. Утрата затвора аффрикатами [ч'] и [ц] в западных южнорусских говорах 52

I8. Колесов В.В. К фонологическому объяснению севернорусского цоканья 53

I9. Хмелевская Т.А. Системы согласных фонем русских говоров Дона 55

20. Кокобаев М.К. Говор западных поселений Горькой линии 59

2I. Мосиенко В.Т. Переход имен существительных среднего рода в мужской род в говорах Южного Урала 62

22. Трубинский В.И. Об одной тенденции в развитии бессоюзного гипотаксиса в русских говорах северо-запада 65

23. Порохова О.Г. Вопросы методологии и методики исследований лексико-семантического словообразования в русских народных говорах 67

24. Силина В.Б. Некоторые аспекты изучения диалектных словообразовательных моделей в связи с проблемой суффиксальной вариантности 70

25. Сахарный Л.В. Некоторые проблемы и методика синхронного анализа словообразования народных говоров как устной разновидности современного русского языка 73

26. Герд А.С. Из русско-белорусских языковых отношений (Об одной изоглоссе псковских говоров) . 77

27. Романович Е.М., Чеберук Е.И. Некоторые особенности ударения в белорусских говорах (в соотношении с русским и украинским ударением) . . . 79

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Т-00641 Зак.68 Тир.500

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2